

Ольга Погодина-Кузмина

ПТИЦЫ ВОЙНЫ

Повесть

*Благодарность за идею, тему и материал автор выражает Юрию Суходольскому.
Посвящается Феликсу Дмитриевичу Сутырину.*

Глава 1. ЧУЖАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Завороженный обыденностью смерти, Ким пристально разглядывал крошечные розовые ладони, младенческие пальчики и коготки, открытые, словно бы удивленные черные глаза погибшего зверька, его шкурку с серебристым отливом. Маленькое существо, словно вылепленное искусным игрушечным мастером, было прихлопнуто железной скобой ровно поперек невесомого тельца.

Мальчик почувствовал, как слезы подступают к глазам. Вчера, помогая дяде Лёше устанавливать мышеловку, он не успел задуматься о том, что мышь и правда может в нее угодить, и не предполагал, что зверек окажется таким прекрасным.

— Попалась? — дядя Лёша вышел из ванной, вытирая полотенцем голову. Ким перевел взгляд на крепкие плечи, на шрамы от ранений на груди отчима.

Перед ним, героем войны, было стыдно распускать нюни, и Ким изо всех сил попытался сдержать рыдание. Но сухой комок в горле не давал вздохнуть, и что-то сильное, неодолимое, распирало грудь.

— Ну, ну, — Нестеров потрепал мальчика по волосам. — Давай-ка выкинем ее в ведро.

Но Ким уже рыдал, стыдливо уткнувшись лицом в локоть, сотрясаясь всем своим худеньким телом.

Алексей опустил на табурет, чтобы быть вровень глазами с десятилетним Кимом.

Ольга Погодина-Кузмина (род. 1969) — писатель, драматург, сценарист. Окончила Санкт-Петербургскую Академию Театрального Искусства по специальности театроведение. Автор поставленных на театре пьес: «Мармелад», «Сухобезводное», «Толстого.нет», «Глиняная яма» и др. Автор нескольких романов, в том числе «Ласковая вечность» (2016), «Герой» (2016), «Уран» (2019).

Лауреат драматургических премий «Новая драма» (2004) и «Евразия» (2007), а также кинопремий «Золотой Феникс», «Золотой жасмин» и др. Финалист литературных премий «Нонконформизм» и «Национальный бестселлер» (2013). Живет в Санкт-Петербурге.

— Ну, развел мокрое дело... Мне ведь тоже мышку жаль. Убивать — работа нелегкая.

Взял из кармана пиджака, висящего на спинке стула, свой отглаженный, одеколоном пахнувший платок, протянул мальчишке.

— Но есть в жизни правило, Ким: на чужую территорию не заходи. Если тымышь — живи в поле, в лесу, мы тебе не причиним вреда. А раз пришла в наш дом, не обессудь. Тут уж мы с тобой как с оккупантом... Вроде как с Гитлером, понимаешь?

Утирая лицо, мальчик кивнул. Нестеров открыл мышеловку, сбросил зверька на старую газету, завернул и выкинул в мусорное ведро. Накинул старую куртку и пошел выносить мусор во двор.

Вернулась Анна, мать Кима, — бегала снимать мерки к заказчице, принесла с рынка свежих яиц, плетенку с маком. Сели завтракать.

Вчера Алексей за вечерними хлопотами забыл, а скорее, не стал торопиться сообщать вроде бы и важную, но в неопределенность будущего направленную новость. Однако утром появилось стойкое чувство, что предназначенное свершится именно так, как он предполагал, словно бы за ночь стрелка его жизненного компаса выбрала направление и материя времени оформилась в непреложный факт.

Он проговорил, словно между прочим:

— Помнишь, Лысогоров — кучерявый такой, недотепа? Руку вывихнул на тренировке!

Анна повернулась к Нестерову. По ее лицу, словно тень пролетевшей птицы, скользнула тревога.

В черных глазах этой молчаливой, бледной, хрупкой, словно подросток, женщины обитала целая стая трепетных птиц: беспокойство, тревога, ожидание новой какой-нибудь беды. Нестеров знал, что птиц не обманешь улыбкой или показной беспечностью. Нужно быть честным, не фальшивить даже из самых добрых побуждений, все выкладывать начистоту.

— Срочно ищут ему замену... Если не найдут, придется ехать мне.

Ким, уже забывший о недавних слезах, с аппетитом уплетал бутерброд.

— Куда ехать, дядя Лёша?

— На Олимпиаду, в Хельсинки.

Анна молча, непонимающе моргала, словно пыталась перевести слова Нестерова с чужого языка. А Ким задохнулся от радостного изумления.

— На Олимпиаду!? Вот прямо сейчас?

— На той неделе. Сначала на базу в Эстонию, а оттуда...

Обхватив прозрачными ладонями чашку с синими цветами — почти в цвет голубым жилкам на ее руках, — Анна сделала несколько глотков остывшего чая. Вскочила, начала суетливо убирать посуду со стола.

Голос Кима звенел счастливым отчаянием.

— Вот здорово! В школе скажу — ведь не поверят! Дядя Лёша! Ты будешь там стрелять?

— Да, Ким, буду стрелять... А в школе скажи — я, как вернусь, к ним сам приду, все расскажу, пускай не сомневаются.

Нестеров поднялся, взглянул на Анну, пытаюсь продолжить молчаливый разговор с тревожными птицами. Женщина отвела глаза.

* * *

Алексей Нестеров, тридцати восьми лет, мастер спорта, инструктор стрелкового клуба, войну окончил в звании капитана, начальником батальона в войсках связи. Был трижды ранен, имел боевые награды.

Внешность свою считал самой обыкновенной — темно-русые волосы, серые глаза, рост чуть выше среднего, руки и ноги на месте. Внимание слабого пола к своей персоне объяснял вполне понятным дефицитом мужчин в послевоенное время. Глазастые сестрички в медсанчасти, разбитные хохотушки в рабочих бригадах, томные буфетчицы с начесами и совсем юные, вошедшие в пору уже после войны, дочери партхозактива — Алексей мог выбрать любую. Но полгода назад, под новогодние праздники, в жизнь его случайно вошла и осталась рядом неприметная мать-одиночка с вечно опущенными ресницами и плотно сжатыми губами.

Жалел ее? Да. Хотел отогреть, заслонить собой от призраков страшного прошлого. Привязался к ее парнишке, видел свою общественную задачу в том, чтобы Ким вырос хорошим, правильным человеком с душой и совестью. Да что лукавить, Алексей и сам питался их нерассуждающей беззаветной любовью, вокруг себя выстраивая стену. Потому и выбрал Анну, что она ничем не напоминала ту давнюю, виной и болью застрявшую в сердце, погибшую в двадцать лет...

Нестеров думал об этом, пока шел по Гоголевскому бульвару на спортивную базу, чтобы узнать решение комиссии.

После дождя выглянуло солнце, осветило мокрую листву. Москва нарядная, мирная, сытая. Пенсионеры играют в шахматы на скамейке. С лотка продают мороженое — вафельные брикеты в пергаментной бумаге. Гуляют женщины с колясками. Взвзвизывая за руки, парами, идут-щебечут школьники, не знавшие войны. Даст бог и не будут знать.

Мужчина в строгом пиджаке, высокий, седоватый, в роговых очках, вдруг привстал со скамейки.

— Товарищ Нестеров! Видел вас на базе... Вы на комиссию?

— Да.

— Пойдемте, я провожу. Меня зовут Серов, Павел Андреевич, спортивный клуб «Динамо». Назначен в руководство тренерского штаба, заведующий по общим вопросам. Алексей протянул руку.

— Нестеров, Алексей Петрович. Спортивный клуб Советской Армии.

Вместе пошли вверх по бульвару.

— Посмотрел вашу анкету. Войну прошли. Войсковая разведка, операции в тылу противника... А до войны успели послужить в Германии. И языками владеете.

Нестеров уже догадался, что за человек его поджидал на бульваре. Но куда повернет разговор, еще не понимал.

— Алексей Петрович, вы включены в состав сборной. Поздравляю.

Нестеров кивнул.

— Благодарю.

— Не буду говорить красивые фразы... Сами понимаете — в Хельсинки под видом дипломатов, журналистов съедутся сотрудники всех западных спецслужб. Возможны провокации, вербовки. Да что угодно может быть!

Серов достал серебряный портсигар с красивой чеканкой — Кремль, Красная площадь. Открыл и протянул Нестерову. Алексей мотнул головой.

— Спасибо, бросил полгода назад. Сразу предупреждаю — доносить на товарищей не буду, не приучен.

Серов остановился, чтобы прикурить папиросу.

— Неравнодушных граждан у нас хватает, Алексей Петрович, даже с избытком... Тут другое дело. — Серов выдержал паузу. — Впрочем, поговорим в спокойной обстановке. Сможете зайти к нам в приемную, Кузнецкий мост, 22? В понедельник, около шестнадцати ноль-ноль. Там коммутатор, мой служебный 30—25. Давайте, я вам запишу.

Нестеров сделал отрицательный жест.

— Не надо, я запомнил.

Попрощался кивком. Разошлись.

* * *

День в редакции хельсинской «Рабочей газеты» начался как обычно. В кабинете главного редактора Ярвинена обсуждали план субботнего номера: интервью с министром спорта, репортаж о готовности стадионов, расписание радиотрансляций футбольных матчей.

Пухленькая, лупоглазая, с ямочками на щеках секретарша Лемпи, встряхивая светлыми кудряшками, делала пометки в блокноте. Ее нарядная блузка цвета нежной бирюзы оживляла сумрак кабинета, захламленного книгами, бумагами, газетными подшивками.

Ярвинен, бывший бригадир рыбацкой артели, могучий, с крупными чертами лица, с вечно озабоченным выражением — спорил с выпускающим редактором, близоруким и въедливым Раймо Ранта, который, не прекращая спора, привычно просматривал полосы, выискивая «блех», пропущенных корректором. Штатный репортер и фоторедактор Матиас Саволайнен, худошавый, высокий, лет сорока на вид, так же привычно отбирал иллюстрации под материал.

То и дело входили и выходили репортеры, открывалась дверь, от сквозняка шевелились гранки, прикрепленные к пробковой доске, а в кабинет врвался шум редакции — голоса, телефонные звонки, стук печатных машинок.

— Где этот Линд? — хмурился Ярвинен, поглядывая на часы. Редактор отдела новостей по обыкновению запаздывал на планерку.

Наконец вместе со сквозняком в кабинет вкатился человек небольшого роста, с переломанным носом, напоминавшем утиный клюв, с торчащими на макушке черными волосами. Мешковатые штаны и засаленный пиджак подчеркивали его сходство с комиком Чарли Чаплиным.

— Где тебя носит, дьявол побери? — без церемоний набросился Ярвинен на давнего соратника и приятеля. — Где обзор по воскресным ярмаркам?

Линд не отвечал, он явно был взволнован. Плотно прикрыв дверь, оглянулся на бирюзовую Лемпи, словно прикидывая, стоит ли при ней сообщать важную новость. Но дело не терпело отлагательств.

— Русские обстреляли над Балтикой два шведских самолета... Машины затонули. Летчиков подобрало торговое судно. Направляются в порт. К нам, в Хельсинки...

Ярвинен, человек взрывного, холерического темперамента, мгновенно пришел в раздражение.

— Черт побери! За две недели до Олимпиады... Зачем Советы это делают?!

Линд развел руками.

— Кто может знать?

Раймо Ранта, протирая очки, по обыкновению нарисовал самый пессимистический сценарий.

— Сейчас поднимется шумиха, заявления послов, выступления в Совбезе... США объявят бойкот состязаниям, к нам никто не приедет.

— Не каркай! И без тебя знаю, чем все может обернуться!

Дождавшись, пока Ярвинен выплеснет первое раздражение, Линд толстым пальцем нарисовал в воздухе вопросительный знак.

— Еще успеем дать новость в тираж?..

Ярвинен в раздумье схватился за подбородок. Молодые репортеры любили тайком передразнивать эту его привычку мять и трогать пальцами щеки, словно проверяя, хорошо ли он выбрит.

— Шведы искали свой пропавший самолет-разведчик, — вдруг произнес глуховатым голосом фотограф Саволайнен, до этого молчавший.

Линд и Ярвинен удивленно переглянулись.

— Их самолет потерял связь и пропал в этом районе над Балтикой два дня назад, 13 июня.

Словно купаясь в морском отсвете бирюзовой блузки, Лемпи захлопала белесыми ресницами.

— Матиас, а ты откуда все это знаешь? Мы про это не писали!

Саволайнен отложил пачку фотографий, которые перебирал, словно карты таро.

— Мне звонила Хильда Брук, журналистка из Стокгольма. Была у нас на практике в прошлом году.

— Да, помню! Такая, в штанах, с короткой стрижкой, — оживился Ярвинен.

— Фигурка — отпад, — себе под нос, но довольно внятно пробормотал Ранта. Лемпи скривила губки, выражая свой скепсис в отношении этого утверждения.

— Брат Хильды, инженер-радиотехник, работал на военном аэродроме, — продолжил Саволайнен. — В ночь на 13-е он вышел на смену, на другой день не вернулся домой. Вроде бы, они испытывали какое-то новое оборудование... Радиолокаторы или что-то в этом роде. Возможно, американские.

Повисла пауза, Ярвинен отчаянно чесал подбородок пятерней.

— Но Швеция — нейтральная страна! Ты думаешь, они пустили американцев на свой борт, чтобы слушать территорию Советов?

Матиас Саволайнен пожал плечами.

— Ничего я не думаю. Знаю только, что брат Хильды не вернулся домой. И шесть других радиотехников, штурман и пилот, тоже не вернулись к своим семьям.

Ярвинен набычился, уставясь в одну точку, — верный признак, что решение будет неожиданным, но окончательным и не подлежащим обсуждению.

— Вот что, Матиас, позвони этой Брук. Пусть приедет.

Линд оживился.

— Если сделать материал — будет бомба!

Ярвинен вздохнул.

— Дело рискованное, большая политика... Но мы постараемся что-то узнать. Запросим Москву через руководство Компартии... Только ничего не обещаю.

Кивнув, Саволайнен взялся за фотографии, а Ярвинен повернулся к Линду.

— Дьявол побери, так где твой обзор воскресных ярмарок, который ты мне обещал еще во вторник?

* * *

Бум-бом, бум-бом. Дождь стучал по жестяному подоконнику, словно траурный барабан. За окном был виден шпиль древнего собора, площадь с торговыми навесами, мокрые кусты.

Девушка двадцати двух лет в зеленом джемпере, с рыжеватыми, коротко стриженными волосами, с бледными веснушками на щеках и переносице, говорила по телефону. Голос звучал устало и раздраженно.

— Я журналист, Хильда Брук. По поводу пропавшего самолета...

И снова ей отвечали формальной, ничего не значащей фразой. «Мы не занимаемся этим вопросом». Или: «У нас нет информации». А чаще всего: «Звоните в другое ведомство».

Эта уклончивость возвышалась над ней, словно глухая стена, бетонное цунами. Все, что прежде казалось понятным, «своим» — люди, город, любезные полицейские на улицах, деловитые чиновники в кабинетах и знакомые депутаты в Риксдаге, — вдруг

обернулось страшной, ледяной, нечеловеческой машиной по производству бессмысленных фраз.

— Что значит «нет информации»? — кричала в отчаянии Хильда. — Я звонила везде, мне дали ваш номер!.. Мой отец был депутатом парламента!

— Нет, это не к нам.

— Но самолет не мог просто так исчезнуть! Вы должны сказать, что там произошло!..

И снова в трубке длинные гудки, и траурный дождь за окном — бум-бом-бум-бом...

Мать, растерянно озираясь, словно потерявшаяся девочка, зашла в комнату.

— Хильда, ты узнала, почему он полетел на этом самолете? Ведь он не летчик, он просто инженер... Он чинит рации в диспетчерской.

Они с матерью будто бы поменялись местами, пришел черед дочери заботиться, опекать, решать проблемы. Хильда нахмурилась, возвысила голос.

— Мама, нельзя сдаваться! Я добьюсь, я все узнаю! Я пойду к премьер-министру!..

Потоптавшись в комнате, словно не найдя того, что искала, мать отрешенно повернулась к двери.

— Отец так любил Томаса... А теперь его нет на свете. Его больше нет...

Звук рыдания надрывает душу, но вдруг звонит телефон, и Хильда бросается к аппарату одним прыжком, как зверь к добыче, хватая трубку.

— Да, слушаю, Хильда Брук! Что?! Хельсинки? Савалайнен?..

У вдовы Брук глаза как дождевые капли — серые, прозрачные, с дрожащим в них отражением комнаты. Ей всего пятьдесят два, но у нее больное сердце, она едва оправилась после смерти мужа, известного политика и журналиста. Секундная вспышка надежды погасла, нет сил больше плакать, она вышла на кухню, машинально поставила пустой кофейник на плиту.

— Мне нужно быть с мамой, — слышится голос Хильды. — Ну хорошо, я с ней поговорю. Я постараюсь приехать...

Вдова Брук открыла холодильник. В голове рассеянно мелькали мысли: «Томас пьет кофе со сливками. Нужно пойти на рынок, взять хорошие сливки. И зелень, и немного козьего сыра. Магазиновые продукты все же не те, в них мало вкуса, только красивая упаковка».

В ту же секунду она понимает: нет смысла идти на рынок за сливками. Томаса больше нет.

* * *

Степан Касьянович Шимко так и ходит в выцветшей гимнастерке, будто только вчера уволился в запас. Ему под семьдесят, на фронт не взяли, но всю войну в учебке старик готовил снайперов, и кое-кто из них прославился, попал в газеты.

— Спокойней, Лёша, мягче. Кисть не напрягай.

Говор у Шимко южнорусский, звучит в голосе ласковость днепровской ночи, будто видишь дивчат и хлопцев, идущих с гулянки пыльным проселком, слышишь запах дымка, что поднимается над костром, над крышами белых мазанок.

— Ты не спеши, примерься. Осознай. Тебе еще надо форму набрать...

Нестеров и сам понимал: задача, ему предстоящая, требует не столько техники и верности глаза — это, допустим, имеется, — но и морально-волевых, первейших в спорте качеств. В соревнованиях победителем выходит тот, кто не утратил самообладания и хладнокровно отработал цель. Впрочем, холодная голова требуется не только в спорте, — в любой жизненной ситуации. На той же войне.

Нестеров прищурил глаз, выровнял дыхание. Расслабил руку, привычно представляя пистолет продолжением пальцев, тяжелым и послушным сгустком нервов, крови, мышц.

Выстрелил, выбивая пять мишеней из пяти.

— Как в масле вошли! — обрадовался тренер. — Вот так бы и на стрельбище...

Нестеров перезарядил обойму. На нем наушники, спортивная рубашка со значком спортивного клуба Армии, широкие брюки из тонкого габардина. Аня обшила, отгладила, модником отправила на улицу, не думая о том, что провоцирует интерес к хорошо одетому мужчине в посторонних девушках.

Вот и Нина Ромашкова перед тем, как открыть дверь в подвальный зал, где проходят тренировки по стрельбе, пальцами разгладила брови, одернула кофточку на могучей груди. Забежала, крикнула зычным голосом, огрубевшим от привычки отдавать спортивные команды.

— Товарищи, поднимайтесь в главный зал! Общее собрание команды!

Нина — метательница диска, крупная, плечистая, русоволосая. Веселая, как псковитянка Василиса из фильма «Александр Невский». Та сражалась в битве наравне с мужчинами, и Нина за словом в карман не полезет и за дело постоит. По вечерам с красной повязкой дружинницы патрулирует улицы; было дело, защитила подростка со скрипочкой от хулиганов, одна двоих балбесов притащила в отделение милиции.

Пока сдавали оружие, запирали зал, Нина успела обежать еще несколько комнат. Поднимаясь по лестнице, все оглядывалась на Нестерова, играя ямочками на щеках. Алексей подумал: «Вот какие чудеса творит твой, Аня, габардин».

В большом спортивном зале собралось человек сорок. Тут в основном «армейцы», но есть ребята из «Динамо», «Спартака», других спортклубов. Сидят на скамейках, стоят у шведской стенки. Слушают молодого инструктора партхозактива. Тот, румяный, высокий, в полосатой рубашке, говорит хорошо поставленным голосом:

— Товарищи! Участие в Олимпийских играх — это не веселая прогулка, а громадная ответственность. Наша задача — не осрамиться перед капиталистами и доказать, на что способен советский массовый спорт!..

Ромашкова села на скамейку к девушкам, те подвинулись, давая ей место. Нина осторожно толкнула худенькую Машу Гороховскую, гимнастку.

— Это кто?

— Инструктор, из Горкома комсомола, Юрий Бовин, — отвечает Маша. — Говорят, холостой.

Обе тихонько прыскают о чем-то своем, девичьем, перешептываются.

Видно, что Бовин старается говорить доходчиво и просто, но получается немного свысока, будто воспитатель с детьми.

— За границей всё для вас будет внове. Вы впервые увидите жизнь в зарубежной стране. Эта жизнь вам может показаться сладкой. За яркой витриной не все разглядят кризис перепроизводства, оглушение трудовых масс, разложение нравов...

Мускулистый Ваня Удодов, тяжелоатлет, негромко шутит с места, подмигивая товарищам:

— О нравах можно подробнее!

Бовин хмурится, услышав негромкие смешки.

— Товарищи, это серьезная тема! Не все еще готовы к встрече с порочным миром капитализма.

Гимнаст Грант Шагинян подает голос.

— А мы, товарищ инструктор, капитализма не боимся. Он ведь все равно одной ногой в могиле!..

Грант слова не скажет без шутки, любит повеселить народ; утверждает, что все смеются только из-за его армянского акцента, который действует на безусловные рефлексы смеха в гипоталамусе. Штангист Николай Саксонов, крепкий, приземистый, с бритой головой, негромко добавляет:

— Да и в капстранах многие бывали.
Инструктор Бовин вскинул брови.
— В каком это смысле?
— Вон, Ваня Удодов в Тюрингии два года. Повидал сладкую жизнь... В лагере Бухенвальд.
Удодов кивнул, улыбнулся.
— Было такое... Сам ходить не мог, весил двадцать шесть килограмм. А теперь — вот! — Иван показывает бицепсы. — Триста десять выжимаю...
Бовин повысил голос, перекрывая звучащие в зале смешки.
— Товарищи, я сам люблю юмор... Но тут дело серьезное. Никто из вас не участвовал в международных состязаниях.
Саксонов возразил, но негромко, будто про себя:
— Не только участвовали, а еще и победили. В международных состязаниях по стрельбе...
Удодов тоже решил успокоить растерянного инструктора.
— Вы, товарищ Бовин, не переживайте. Капиталистам нас не взять, зубы обломают.
Ромашкова вскинула руку.
— Покажем буржуйам, что советский человек не только воевать — и в спорте побеждать умеет!..
Зал ответил одобрительным гулом.
Под этот гул в зал вошел главный тренер команды, а с ним, в числе сопровождающих, Серов — тот самый темноволосый с проседью человек, который окликнул Алексея на бульваре. В темно-сером костюме, в крупных роговых очках, Серов был похож скорее на научного работника, чем на офицера госбезопасности. Встретившись с ним взглядом, Нестеров слегка кивнул.
— Простите, задержался, прямо от министра, — объявил тренер, оглядывая спортсменов. — Если кто не знает — меня зовут Борис Андреевич Аркадьев, я тренер сборной по футболу... Назначен главным тренером команды.
Тут все поняли, что надо встать и аплодировать. Сухощавый Аркадьев выждал, поднял руку.
— Ну что, ребятки, дело нам предстоит новое, ответственное. Выбрал вас советский народ — лучших из лучших. И не ради прошлых заслуг, а ради будущих побед..
И снова Нестеров аплодировал вместе со всеми — волна энтузиазма охватила зал.
— Как ни крути, Олимпиада — тот же фронт, ребята... Спортивный фронт.
Отбивая ладони, Нестеров оглянулся на Серова. При этом он заметил, как Евдокия Платоновна, врач команды пятиборцев, посмотрев на золотые наручные часы, вышла из зала.

Глава 2. ХУГИН И МУНИН

Дорога отвлекла и немного подбодрила Хильду. С мамой осталась практичная, здравомыслящая тетя Агата, которая взяла отпуск на работе и приехала из Треллеборга; за них можно было не волноваться. А на переполненном пароме Хильде встретила компания знакомых аспирантов.

Всю ночь на палубе они пили пиво, орали песни, делали ставки на исход футбольных матчей, которые собирались смотреть. Долговязый застенчивый Эрик еще во время учебы в университете пытался ухаживать за Хильдой, а теперь снова

смотрел печальными влюбленными глазами. Под утро они оказались вдвоем в узком лестничном пролете, ведущем на нижние палубы, и когда Эрик неумело поцеловал ее, Хильда вдруг расплакалась, уткнувшись в его плечо.

— Я все знаю, — просто сказал ей парень. — Если тебе нужна моя помощь, я сделаю все, что могу.

Молодость приказывала жить дальше, переступить через боль.

Паром подходил к Хельсинки. Стоя на палубе рядом с Эриком, который бережно обнимал ее за плечи, Хильда словно мысленно нырнула в прошлое. Вспомнила практику в «Рабочей газете», свои первые репортажи на финском, над которыми смеялись всем отделом, когда Линд зачитывал их вслух. Вспомнила свою глупую детскую влюбленность в фоторепортера Матиаса Саволайнена. Интересно, как он — изменился, постарел? Все такой же верный муж и любящий отец или завел интрижку с хорошенькой секретаршей?

Аспирантов встречал автобус, они ехали в университетский кампус, расположенный неподалеку от стадиона. Хильда оставила Эрику свой чемодан и пошла в редакцию пешком, чтобы побыть наедине с собой и городом, в котором всего каких-то два года назад она была так счастлива, хотя и казалась себе самой несчастной.

В редакции все было по прежнему. Стук печатных машинок, старомодные телефонные аппараты на деревянных подставках, запах кофе и крепкого трубочного табака, массивный письменный стол в кабинете Ярвинена, весь заваленный бумагами.

Ей обрадовались. Девушки-машинистки принялись рассматривать, расспрашивать, угощать лимонадом. Потом появился Ярвинен, устроили заседание. Хильду посадили на стул посреди кабинета, пришли редакторы отделов — еще больше располневший и полысевший Линд, все такой же подтянутый, такой же непроницаемый Саволайнен.

Хильда готовилась к этой встрече, но не могла справиться с нарастающим волнением, рассказывая о том, что ей удалось узнать.

— Брат говорил, что работает в диспетчерской, обслуживает радиотрансляторы. Еще рассказывал, что собирает отпугиватели для птиц, чтобы они не попадали в двигатели самолетов. Только теперь мы с мамой узнали, чем он занимался на самом деле. Мне рассказала жена одного из пропавших инженеров... Ее муж был не такой скрытный, как Томас.

Ярвинен слушал, посасывая трубку, мрачно глядя на Хильду.

— Значит, ты говоришь, разведка?..

— Да. Все это очень страшно. Я не могу называть имен. Они все служили в каком-то секретном подразделении F. Совершали полеты вдоль советской границы, перехватывали радиосигналы... На самолетах были американские радары и какие-то новые штуки, которыми управлял инструктор из Пентагона.

— Чертовы янки! — пробормотал Линд.

Саволайнен ободряюще кивнул Хильде, она продолжала.

— Этот парень говорил жене, что их вынуждают рисковать, вылеты становятся все опаснее. Он хотел уволиться, но не успел. Я пыталась узнать об этом подразделении F, но везде — в министерствах, правительстве, в дирекции аэродрома — все говорят, что такой структуры у них нет и не было.

Трубка Ярвинена погасла, он придвинул большую керамическую пепельницу, которая от табачного пепла давно из рыжей превратилась в серую.

— Даже не знаю, что тебе сказать на это...

— У меня есть интервью, ответы из военного министерства...

Хильда поспешно достала из своего портфельчика бумаги — записи разговоров, план аэродрома, вырезки из шведских газет. Нужно было доказать, что она провела серьезное расследование и объективно рассмотрела проблему.

Тесемки как назло не поддавались, Хильда дернула со всей силы, и плотно набитая картонная папка разорвалась по шву — бумаги вывалились на пол, разлетелись по кабинету. Саволайнен и Линд бросились собирать упавшие листки. Хильда едва сдерживала слезы.

— Все шведские газеты отказались заниматься нашим делом! Но вы, вы можете дать этот материал... Вот, я все записала! Здесь фотографии... рассказы людей... Один из инженеров вел дневник, жена обещала, что передаст его мне, если я договорюсь о публикации...

Повисла пауза. Ярвинен тяжело поднялся из-за стола, подошел к Хильде, взял ее за плечи своими большими жилистыми ручищами.

— Ты смелая девочка, Хильда. И хорошая журналистка. Но мы не будем заниматься этой темой. Я говорил с нашим министром печати, звонил в Москву. Они не хотят обнародовать эту информацию... Прости.

Хильда, запрокинув голову, сквозь пелену слез смотрела на «дядюшку Ярвинена», как называли его машинистки.

— Но ведь это люди! Восемь человек экипажа... И среди них мой брат. Что с ними стало? Я должна узнать правду...

Ярвинен тихонько сжал ее плечо, отвернулся. Линд сочувственно шмыгнул своим утиным носом.

— Хильда, слезами горю не поможешь. Давай рассуждать спокойно. Стокгольм никогда не признает, что занимался разведывательной деятельностью для американцев. Если самолет захватили русские — заставили сесть на своем аэродроме, — возможно, экипаж предложат обменять...

— Такие случаи были, — оживился Саволайнен. — Мы можем сделать запрос через МИД...

— Не можем! — оборвал его Ярвинен. — И не будем касаться этой темы!

Он резко повернулся к Хильде.

— Ты понимаешь, какие силы тут замешаны? На носу открытие Олимпиады, никому не нужен международный скандал! Дипломаты обмениваются нотами, родным выплатят пенсии. А потом, лет через семьдесят, может быть, правда всплывет...

Хильда проглотила слезы, собрала, сунула папку с документами в портфельчик. Она чувствовала себя униженной, и в сердце поднималась злость — на Ярвинена, на молчащего Матиаса, на все правительства и государства мира.

— Ваше дело! — она встряхнула волосами и вздернула свой круглый, крепкий подбородок. — Я знаю, за такой материал ухватятся в любой редакции! Это будет сенсация! А вы еще пожалеете, что оказались банальными трусами.

Чеканя шаг квадратными каблуками туфель, Хильда вышла в коридор. Слезы снова подступили к глазам, и она шагала, не видя ничего вокруг, заставляя себя не разреветься на глазах у всей редакции.

Матиас догнал ее уже на лестнице. В руках он держал пиджак и летнюю шляпу.

— Постой... Скажи, сколько редакций ты уже обошла?

У Хильды задрожали губы.

— Десять... В Стокгольме. Я думала, что здесь...

Саволайнен смотрел отстраненно, не пытаясь ее утешить или подбодрить, — и это заставило Хильду собраться.

— ...Что здесь кому-то интересно независимое расследование! Но, оказывается, редактор коммунистической газеты такой же засранец и приспособленец, как издатель дешевого рекламного листка!

— Ярвинен хороший человек. Но он не хочет неприятностей.

— Зачем ты вызвал меня? Я бросила маму, примчалась...

Вместе они вышли на улицу. Саволайнен надел пиджак.

— Вот что, Хильда, оставайся в Хельсинки. Будет много работы — Олимпиада, политика. Приедет советская команда. Они захотят показать себя в лучшем свете.

В его голосе послышалась странная неопределенность, из-за которой Хильда обернулась и вопросительно заглянула ему в лицо.

— Ты хочешь сказать?..

— Просто оставайся. Я знаю, надежда есть всегда. — Приподняв обшлаг пиджака, Маттиас посмотрел на часы. — Пойдем, пообедаем в ресторанчике на Эспланаде. Я познакомлю тебя с женой. Она будет рада.

— Ты так уверен? — со злой насмешкой спросила Хильда.

— Да, уверен.

Саволайнен взял у Хильды портфель и аккуратно защелкнул замок.

* * *

Бульвар, ведущий от центра города к порту, в солнечный день чем-то напоминает Париж. На скамейках старики играют в шахматы, гуляют женщины с колясками, играют дети. Вот прошел пожилой господин со старомодной тростью, приподнял шляпу навстречу дородной даме с терьером на поводке. Кажется, в Хельсинки все знакомы друг с другом, и это дает ощущение общей семьи, но вместе с тем немного огорчает юную Айно, продавщицу тканей в Ателье мод на бульваре Эспланада.

Сквозь стекло витрины, на котором черной и синей краской отпечатана реклама ателье, пухленькая, белокожая Айно наблюдает за прохожими и думает о том, что ее родной город, в сущности, большая деревня, провинциальный угол Европы, куда слишком поздно доходят и модные выкройки, и голливудские фильмы, и парижские манеры.

Айно темноволосая, с чуть раскосыми черными глазами, в ней течет лапландская северная кровь. В свободную минуту Айно вечно торчит у окна и глазет на публику, мечтая бог знает о чем — о тропических странах, жгучих танцах под кастаньеты, о больших кабриолетах, сверкающих лаком, или огнях ночного Нью-Йорка.

Ей нравится работать в ателье, хозяйка добра и можно научиться швейному делу, но в погожий летний день торчать за стойкой, отмеряя ткани, — та еще мука. И вот Айно снова тяжело вздыхает, а из-за ширмы, слышав вздох, выглядывает старая швея, эстонка Лииде, или Лидия Оскаровна, и тут же находит работу продавщице.

— Айно, вымети за прилавком, смотри, сколько пыли набралось!

Лииде вечно ворчит, когда девчонка томится от безделья. Ох уж это новое поколение, не знавшее голода, бесприютности, подлинной тоски, разрывающей сердце — всего того, что выпало на долю русских эмигрантов, оказавшихся в Финляндии. Вот одна из них, госпожа Мезенцева, немолодая, но все еще элегантная дама со следами былой аристократической красоты, стоит сейчас перед Лииде и примеряет недошитый костюм из шевиота с лавандовым отливом.

Чулок заштопан, подол нижней юбки обтрепался и пожелтел, но Мезенцева смотрит в зеркало с видом великой княгини, которую прислуга наряжает на придворный бал. Одергивая полы пиджака, с брезгливостью отзывается на брошенную фразу:

— Олимпиада! Набьется полный город всякой швали... Арабы, африканцы. А с ними проститутки и прочий пьяный сброд. Конечно, в магазинах вздуют цены!

Лидия Оскаровна дипломатично возразила:

— Говорят, это хорошо для экономики.

Мезенцева дернула плечом.

— Вот помяните мое слово: придут Советы и покажут вам экономику! Хлеб и масло по карточкам, спекулянты на толкучке, а в ресторанах комиссары в кожанках

с толстыми шляхами... Моя сестра в России. Они живут ужасно. Разруха, нищета. Я ненавижу коммунистов!..

Айно, лениво выметая из-под прилавка шерстяную пыль, решила поспорить. Бабка, малограмотная попадя, научила ее говорить по-русски, но избавиться от акцента не помогла.

— А я слыхала, в Советах все не так уж плохо. В журнале были фотографии ВДНХ — это лес, то есть парк с огромными чудесными постройками.

Мезенцева фыркнула.

— Фальшивка, видимость! — злым голосом она передразнила стиль газетных статей. — «Приветствуем советскую сборную в дружной семье северных народов!». И это пишут в тот же день, когда Советы сбили два шведских самолета. Как мух прихлопнули!

Айно увидела сквозь стекло витрины хозяина, который подходил к дверям. С ним была рыжеволосая стриженная девушка в синих брюках и безрукавке с яркими пуговицами, по виду иностранка. В мечтательной головке Айно тут же вспыхнул интерес — кто эта девушка, любовница Саволайнена? Ну нет, он не привел бы ее в ателье. Значит, коллега... Но все его коллеги — мужчины. Может, дочь от первого брака?.. Айно терялась в догадках.

Рыжая осталась ждать на бульваре, а Саволайнен зашел и обратился к Айно по-фински.

— Моя жена здесь?

Продавщица присела в книксене.

— Госпожа с вашим сыном пошли в ресторан «Эспланада», — здесь, чутьем служанки догадалась Айно, уместна будет восторженная лесть. — Ваш мальчик такой чудесный! Он знает разные стихи...

— Очень умный мальчик, — поддакнула Лииде. — И так похож на вас!

Мезенцева выглянула из-за ширмы.

— А, господин Саволайнен, добрый день! Почему вы не напишете в своей газетке, что коммунисты обожают сбивать чужие самолеты? Не делайте вид, что не слышали! Я знаю, вы отлично говорите по-русски! Вы коммунист! Вы получаете деньги из Москвы. Но почему хоть раз не написать правду?..

Сдержанно кивнув, Саволайнен вышел из ателье. Мезенцева засмеялась ему вслед злым, каркающим смехом.

— Пошел куда-то со стриженной девкой! А женушка, небось, считает, что он будет вечно держаться за ее юбку. Принцесса на горошине! Наполовину немка — в них всех сидит пустое чванство. Я их повидала во время войны. Это сентиментальные болваны без воображения. Машины для эвтаназии... Я сразу поняла, что они проиграют.

Лииде подумала, как было бы приятно воткнуть в бок Мезенцевой булавку, но вместо этого с улыбкой попросила госпожу клиентку повернуться к зеркалу. Айно снова подошла к окну и посмотрела в небо — над водами Балтики пролетал самолет.

* * *

Сквозь витрину ресторанчика можно было видеть, как за столом оживленно болтали Саволайнен, рыжеволосая Хильда и женщина в светлой кофточке, которая сидела спиной к окну. Мальчик лет десяти ел мороженое и тоже глазел в окно на проходящую мимо старуху в больших лакированных туфлях, в берете и в черных перчатках. Она держала в руке бумажный пакет из соседней булочной и, отщипывая на ходу, с аппетитом жевала.

Мезенцева не видела наблюдавшего за ней ребенка, но слышала веселые вопли детей, играющих на бульваре. «Поймать бы всех да заклеить пластырем рты», — при

этой мысли она криво усмехалась. Впрочем, нелепо было думать о таких мелочах, когда ее ждала важнейшая, решительная встреча.

Пройдя по набережной в сторону порта, она села на скамейку, достала из пакета и съела сэндвич, сухошавой ногой в лакированной туфле отгоняя назойливых голубей.

Крупный, тучный мужчина в помятом сером плаще, подходя, обратился к ней, коверкая финский.

— Вы мне позволите присесть?

Кравец — все такой же тупица и хам. С годами его грубое лицо все больше напоминало кабанью морду. Жесткий волос торчал из ушей и ноздрей, оспины на щеках превратились в морщины. Сломанный нос придавал ему сходство с неудачливым боксером или с вышибалой из дешевой пивной.

С презрением покосившись на соседа, Мезенцева обронила:

— У вас ужасный акцент, Кравец. Лучше говорите по-русски — здесь никого нет.

Тот недовольно хмыкнул, сел рядом, развернул газету.

— Не называйтесь имен! Я пожелаю, что у вас направде важный вопрос. Я вылетаю из Стокгольма четыре утра...

— Да, у меня срочный вопрос, — пиная голубя, Мезенцева брезгливо поморщилась. — Даже три вопроса, Кравец. Извольте послушать.

Она стала загибать пальцы в черных перчатках, будто рефери отсчитывает время нокдауна.

— Во-первых, мне обрыдло сидеть в этой промозглой дыре! Во-вторых, надоело следить за дурачками из красной газетенки, где ровным счетом ничего не происходит. Во-третьих, мне нужны деньги! Много денег. И раз уж вы не нашли мне достойного применения, я все устроила сама.

Кравец, слушая, удивленно и мрачно смотрел на Мезенцеву.

— Что вы задумаете?

Подождав, пока мимо пройдет влюбленная пара, она проговорила, чеканя слова:

— Передайте Шилле: я, Глафира Мезенцева, одна подготовила и сама проведу операцию, которой позавидует любая разведка мира.

— Не называйтесь имен!

— Плевать на ваши запреты! Слышали, русские готовят мощную систему воздушной обороны Москвы? Скоро этот план будет у меня в руках.

Мезенцева поднялась, отряхивая с юбки крошки и снова отгоняя налетевших голубей.

— В який способ?

Кравец тоже встал. Как бы прогуливаясь, они направились в сторону доков, где виднелись портовые краны.

— Допустим, мой информатор работает в конструкторском бюро. Допустим, он имеет любовницу. Остальное вас не касается.

— Вы втягните нас в провокацию! Как пешка в игре Советов, — зашипел Кравец.

Мезенцева усмехнулась.

— Эти люди ненавидят Советы так же, как и я. Они хотят бежать. Но не на пустое место. Квартира или домик в пригороде Парижа. Счет в швейцарском банке на предъявителя, чтобы жить безбедно на проценты... Только не ждите, что я продамсь по дешевке! Пусть Шилле готовит полмиллиона долларов наличными. И после этого, Кравец, мы расстанемся навсегда.

Они свернули в пустынный переулок, Кравец вдруг сделал шаг и с угрожающим видом прижал Мезенцеву к стене.

— Не называйтесь имен! Не смейте так мовить до мене!

— Эй, уберите руки! Я закричу, здесь за углом охрана порта. А в полиции расскажу, что вы никакой не чертежник Мартин Хьюз, а бывший советский подданный, перебежавший на службу к нацистам!..

— Пржеклята стара курва!

Рожа Кравеца скривилась от недовольства, он отступил, но на лице было написано: «Свернуть бы тебе шею в темном углу!»

— Мне плевать на ваши угрозы. Передайте Шилле, что я готова продать документы. Но если он не поспешит, микрофильмы уйдут в другие руки.

— Вы маете микрофильмы? Гдже взято?

— Я все сказала, Кравец. Адъё.

Мезенцева повернула обратно в сторону набережной. Навстречу шли докеры в рабочих спецовках. Кравец остановился, прикурил сигарету. Понимая, что ни уговорами, ни угрозами не победит упрямство старой ведьмы, он с ненавистью посмотрел ей вслед.

* * *

Перед фильмом показывали киножурнал — к радости Кима, про Олимпиаду. Звучал спортивный марш, перемежались виды города Хельсинки и наших стадионов, показали тренировки спортсменов и передачу Олимпийского огня.

Комментатор рассказывал, что столица Финляндии выиграла право принять мировые состязания еще в 1940-ом году, но эти планы отменила война. И вот наконец этим летом отложенные игры должны состояться: шестьдесят девять стран, почти пять тысяч спортсменов, примут участие в международных соревнованиях. Будут разыграны сто сорок девять комплектов наград в семнадцати спортивных дисциплинах. Среди них фехтование, парусный спорт, бокс, гимнастика, тяжелая атлетика... Включены в программу и командные игры.

Развевалось алое знамя, тренерский штаб докладывал, что советские спортсмены готовы к борьбе за медали. Диктор с особым волнением объявлял: «Девятнадцатого июля алые стяги Советской страны поднимутся над столицей страны Суоми. Пятнадцатым Летним Олимпийским играм быть!»

Потом пустили новый фильм «Садко». Анна вышла из зала в полном восторге. Хвалила артистов, костюмы, декорации. Как хорош древний город, царские палаты! И заморские земли, и птица Феникс... А прощание с Любовью на стенах крепости! А встреча в березовой роще...

Ким дернул плечом.

— Любовь — для девчонок!

— А я-то думал, тебе понравилось, — удивился Нестеров.

Весь фильм парнишка просидел, открыв рот, но теперь вдруг отрекся от своего детского восхищения.

— Да ну, какая-то сказка для малышни. Вот «Чапаев» — это я понимаю. И киножурнал был интересный. Про Олимпиаду.

Дома ужинали. Киму в школе задали читать Гайдара, «Сказку о военной тайне». За столом, дождавшись минуты, когда Анна вышла бросить фартук в стирку, мальчик наклонился к Нестерову:

— Дядя Лёша! Я хотел... ну, в общем, спросить... А ты знаешь военную тайну?

— А ты почему интересуешься? — так же заговорщицки ответил Нестеров.

— Просто я подумал... Если снова будет война и немцы нас угонят в лагерь, я там скажу, что знаю от тебя важную тайну, — Ким оглянулся, не идет ли мать. — Я подниму восстание. И спасу всех, взрослых и детей. Ведь раньше, когда маму угнали, я был маленький. А теперь большой.

Нестеров помолчал. Ответил негромко, серьезно.

— Войны не будет, Ким. Никто нас больше не посмеет тронуть.

Анна вошла, услышала обрывок разговора.

— Потому что у нас бомба? — спросил Ким.

— И бомба, и танки, и самолеты. И радиолокаторы, — Нестеров перешел на веселый тон. — И все наши тайны под строгой охраной!..

В десять уложили Кима, вдвоем на кухне допили вино.

Квартира на Чистых прудах, всего двадцать метров, бывшая дворницкая в доходном доме, первый этаж. Сырая, тесная, но своя, с газовой колонкой и совмещенным санузелом. Когда переселялись из общежития, они вместе с Анютой вымели, вычистили всю грязь, купоросом вывели грибок, покрасили полы и стены, спальню оклеили обоями. Анна сочинила занавески, нашла наволочек, одеял из разноцветных лоскутов. Дом небогатый, но чистый, уютный. Одна беда: как ни заделывай щели цементом с битым стеклом, мыши проедают половицы и лезут в дом — в тепло, к запасам хлеба и крупы.

Алексей не говорил об этом, но он не любил старый портновский манекен, который Анна выкупила у артели, где работала прежде. Вот и сейчас в полутьме манекен маячил возле их постели белым крепдешинным платьем; безголовый призрак — то ли давно умершая женщина, то ли сама смерть.

Анна уже легла, невесомо скрипнула панцирная сетка. Нестеров стал раздеваться, чтобы лечь. Они привыкли к шепоту — не разбудить мальчишку. Анна снова вспоминала «Садко», потом вдруг спросила:

— Я все думаю... Как же вы к ним поедете, Алёша? После всего — блокады, налетов, сожженных городов... Как это можно простить?

Нестеров сам для себя давно нашел ответ.

— Простить нельзя. А жить дальше — нужно.

Но, как бывает часто, отвечая на вопрос, ты будто бы обмениваешь свою уверенность на сомнения другого человека. Так и сейчас, когда Анюта поправляла одеяло, взгляд Алексея скользнул по тыльной стороне ее предплечья, где был наколот лагерный номер. А может и верно сказано в Библии: «Мне отмщение и аз воздам».

Анна поймала его взгляд, прижала руку к груди. И Нестеров именно в эту минуту решил рассказать о встрече на бульваре, которой тяготился почти неделю. Мало ли что случится завтра, жена должна знать, если он не вернется домой.

— Меня вызвали в Комитет безопасности.

Анна села на постели, прижала руку к губам. На бледном виске пульсировала жилка.

— Зачем? Они узнали про меня?..

— Ты тут ни при чем. Это связано с поездкой. И с моим прошлым.

Анна покачала головой.

— Алёша, я так боюсь, что у тебя будут неприятности... из-за нас. Стук в дверь, или машина проедет ночью — я все вздрагиваю. Сердце болит. У них ведь там есть списки. Неблагонадежных...

Нестеров прижал ее к себе, поцеловал в висок, рядом с завитком волос.

— Как думаешь, в понедельник ЗАГС работает?

— ЗАГС? Не знаю...

— Если работает, — пойдем и распишемся. Возьмешь мою фамилию. И никто тебя больше не найдет.

Анна зажмурилась, закусил губу. Отрывисто зашептала, будто с мясом отрывая от себя слова.

— Алёша, ну какая я тебе жена... Я в лагерях была, сперва в немецком, после в нашем. Сын у меня, — совсем беззвучно выдохнула: — от насильника, полиция...

— Кима я усыновлю. Тут нечего обсуждать.

Словно выполнив тяжелую, но необходимую работу, Алексей опустил голову на подушку. Тревога уходила, и сон наваливался ватным одеялом.

— Ты хороший. Добрый... Да только на одной жалости, Лёшенька, счастья не наживешь. Для этого любовь нужна, — шептала Анна, гладила по волосам. — А так за мужика цепляться гордость мне не позволяет...

Нестеров спал уже, а женщина все смотрела на него в темноте, и не ему — сама себе рассказывала мирно, без упрека:

— Ты меня чужим именем вчера опять назвал, даже не заметил. Мне больно, а что поделаешь. Ты в своей любви не виноват, и я не виновата...

Нестеров спал, и вздрагивали во сне ресницы, и вырастал вокруг него цветущий сад. И оживала тень юной девушки в крепдешининовом платье. Она звала во сне:

— Алёша-а!..

— Мария-а! — голос отдавался эхом. — Мария-а! Где ты?

— Я здесь!

Падали с дерева лепестки, облетала цветущая яблоня. Алексей смотрел в синее небо, видел белые гроздьи цветов. Душа наполнялась счастьем, полноводным широким течением первой в жизни любви.

На поляне под деревом — девушка в белом платье, с легкими светлыми волосами. Ей недавно исполнился двадцать один год, она добра и прекрасна, как воплощение весенней природы. Подняв руки к солнцу, она восклицала:

— Солнце-Гелиос, божественный космос! Сфера небес! Вам я клянусь, что буду вечно любить, вечно любить одного человека!

Нестеров делал шаг вперед, протягивал руки. Но Мария убежала в зеленый сумрак.

— Скорей! Догони!

Близкий друг, которого Алексей не видел много лет, стоял на берегу озера. Он в белой рубашке, льняные волосы зачесаны назад. В руках — массивный черный фотографический аппарат.

— Почему Сталин не требует от Гитлера освободить политзаключенных? — он прямо смотрел в лицо Алексея. — Почему не потребует вернуть коммунистов в Рейхстаг? Я читал письма Тельмана из застенка... Он тоже не понимает. Почему?

Мария с букетом полевых цветов шла рядом с ними по лесной тропинке.

— Мы такие глупые, Алёша... У нас любовь, а кругом убийства, облавы. В тюрьме Плетцензее казнили Мориса Баво — помнишь, швейцарский активист, который покушался на Гитлера? Ему отрубили голову... В той же тюрьме мой отец.

Ее речь горяча и немного бессвязна, но Нестеров все понимал без слов, и чувствовал во сне свое бессилие, отчаяние, боль.

— Нацисты заставляют отца работать на войну... Они понимают, как важны его открытия. Теория ядерной цепной реакции...

С неба падали лепестки, словно белые мухи — нет, смотри, это черные мухи, откуда они налетели?

— Гитлер хочет получить новое оружие огромной мощности... Он готовится к большой войне.

Высокий худощавый фотограф в белой рубашке отгоняет муху с лица. Что там чернеет в сумраке, в глубине леса?

— Войны не будет. Английские газеты пишут, что Сталин на днях приедет в Германию. Уже шьют красные флаги для встречи... Москва и Берлин заключат военный пакт и вместе нападут на Англию.

Слышится гул самолетов. Облетают цветы... Нет, это падают бомбы.

Мухи роем вьются над ямой, а в яме — белое платье. В размокшую грязь погружается женское тело, видны только руки, и светлые волосы на затылке спеклись от черной крови. И солнце-Гелиос черной звездой прожигает в небе дыру.

* * *

Пока Серов доставал с полки книгу, Нестеров изучал обстановку. Массивный стол, довоенный письменный прибор серого мрамора, большой портрет вождя на стене. В шкафу — тома собраний сочинений, юридические книги, в том числе на иностранных языках. Несколько изданий серии «Литературные памятники». Все говорило об основательности, надежной приземленности хозяина кабинета. Такой человек не станет полагаться на первое впечатление, проверит каждое слово, будет копать до самого дна.

Книга, которую Серов взял в руки, тоже оказалась большой и весомой. На обложке буквы, стилизованные под древние руны — трудно прочесть издали.

— Алексей Петрович, вот о чем я вас хотел спросить. Вы знакомы со скандинавской мифологией? «Старшая Эдда», «Легенда об Олафе Святом»?

— Признаюсь, нет.

Нестеров решил не скрывать своего удивления. Проявляя искренность в мелочах, ты даешь собеседнику ложное впечатление о своей простодушии, так проще усыпить его бдительность.

Серов открыл книгу, нашел нужное место. Прочел неторопливо, с выражением.

Хугин и Мунин, не зная усталости,
в дальние земли летают.
Мне тревожно за Мунина,
больше за Хугина —
возвратятся ли вороны?

Нестеров вопросительно смотрел на комиссара государственной безопасности третьего ранга — так значилось в удостоверении, которое перед началом разговора показал ему Серов.

— Хугин означает «Мысль», а Мунин — «память». В скандинавских мифах так называют воронов бога Одина. Они летали по миру и сообщали хозяину обо всем происходящем.

«Сейчас вынет козырь из колоды», — подумал Нестеров. И правда, Серов открыл аккуратную папку в синем переплете и достал фотографию молодого мужчины в белой рубашке, с фотоаппаратом в руках.

— Вы знаете этого человека?

Нестеров взял фотографию, но не торопился отвечать. Всем нутром он чувствовал, что тут дело поважней благонадежности или вербовки.

— Это Матиас Саволайнен, финский репортер, — подсказал Серов. — Коммунист, сотрудник «Рабочей газеты» Хельсинки. Вы встречались в Германии, незадолго до войны. Вспомнили?

Нестеров кивнул.

— Да, мы были знакомы по линии Коминтерна, когда я служил в Берлине.

Серов не стал уходить в околичности, спросил прямо:

— Алексей Петрович, вы сможете снова наладить с ним контакт? Это не вызовет подозрений. Саволайнен фоторепортер, он будет освещать Олимпиаду для «Рабочей газеты».

Алексей пожал плечами.

— Павел Андреевич, мы с ним не виделись с сорок первого года... Конечно, я готов помочь. Но скажите, для чего это нужно?

Серов убрал фотографию в папку.

— Скажу и даже не буду брать с вас расписку о неразглашении — сами все понимаете. Нам сообщили, что в Хельсинки должен прибыть важный чин американской внешней разведки. Его цель — выйти на связь с представителями советской сборной. (Пауза.) Предполагаем, что в нашей команде есть завербованный американцами агент.

— Кто? — Нестеров снова дал волю непосредственному чувству.

— К сожалению, мы этого не знаем. Но американцы ищут любую зацепку, чтобы добраться до наших военных секретов. А шведы хотят получить информацию о своем пропавшем самолете-разведчике...

В голове Нестерова наконец сошлись скандинавские руны, Один, финский репортер.

— Два ворона?

Серов бросил на Алексея одобрительный взгляд, дав понять, что тот прошел первую проверку на сообразительность.

— Хугин и Мунин, так шведы называли два самолета, под завязку набитые американской шпионской аппаратурой. Их задача — перехват сигналов советских кораблей и систем радиолокации. Тринадцатого июня, во время разведывательного полета, «Хугин» был потерян шведскими диспетчерами.

Нестеров не стал спрашивать, куда исчез самолет. Это не меняло сути, а праздное любопытство в подобных делах не проявляют.

Серов аккуратно поставил книгу обратно на полку.

— Поможете вычислить агента, Алексей Петрович? Что поделаться, не получается у нас «Олимпиада вне политики». Боюсь, и не получится никогда — до полной победы коммунизма на всей планете.

Глава 3. БОЛЬ И ПАМЯТЬ

22 июня 1941 года Германия напала на Советский Союз, и всем советским представительством был дан приказ в течение трех суток подготовиться к депортации — должен был пройти обмен дипломатических сотрудников Берлина и Москвы.

Разговоры про войну велись постоянно, обе стороны вооружались, но никто не мог поверить, что нападение и правда случится. Нестеров часто вспоминал тот день: утром оцепили особняк, который занимало их торгпредство, в помещение ворвался отряд гестапо. Обыски, аресты, изъятие бумаг, в том числе договоров, по которым через Минск и Киев в Берлин продолжали идти составы с зерном, углем и минеральными удобрениями.

Каким-то чудом в особняк пробрался Саволайнен, уловив момент в суматохе, и сообщил Нестерову, что Марию арестовали.

— Она в тюрьме Плетцензее. Задержали за шпионаж и госизмену вместе с группой французских коммунистов.

От чувства страшного бессилия и злости сводило скулы.

— Что мне делать, Матиас? Сбежать, остаться в Берлине? Наши решат, что я дезертир... Да и здесь найдут и схватят, — Алексей в отчаянии сжимал кулаки. — Чертов Гитлер, будь он проклят!

Матиас хорошо говорил по-русски, выучил язык еще когда жил в Выборге, до финской войны. Выдавал его происхождение только легкий скандинавский акцент.

— Мне передали — завтра ночью партию заключенных повезут на Веймар... Кажется, в лагерь. Мария и ее отец должны быть в этой партии.

Алексей понимал, как уцепился за его слова, в которых блеснула надежда.

— Что ты задумал?

— В тюрьме есть охранник, поляк... Он хочет бежать в деревню — боится, что его отправят на восточный фронт. Ему нужны деньги и поддельные документы.

Разговор шел в помещении котельной, ключ от которой по случайности оказался у Нестерова. Алексей пообещал, что раздобудет паспорт из запаса документов Коминтерна, и отдал Матиасу две тысячи марок, которые были при нем.

— Риск большой. Но мы должны попробовать, — обнадежил его Саволайнен, назначив место встречи.

Нестеров из окна показал ему забор, где в неприметном месте были раздвинуты прутья решетки ровно настолько, чтобы мог пролезть худощавый человек.

Уже тогда их план казался абсолютным безумием. Берлин тех дней вспоминался как черный, безвременный сгусток смерти и страха. Многие подробности начисто стерлись, и лишь короткие вспышки озаряли провал.

Нестеров помнил, как выбрался из особняка через ту же дыру в заборе. Помнил мотоцикл, который вел Саволайнен, а он сидел позади, помнил лесную дорогу. Два «Хеншеля» с брезентовыми бортами маячили вдалеке, и Нестеров представлял в одном из них Марию, испуганную и продрогшую, а рядом с ней мужчин и женщин, знакомых ей по работе в Коминтерне.

Что они хотели сделать? Подъехать к лагерю во время передачи заключенных и, показав поддельные бумаги, при помощи знакомого охранника увезти Марию и ее отца якобы на допрос в контрразведку. Им обещал помочь товарищ из местного подполья, кажется, ждала машина... Скорее всего, их расстреляли бы на месте — это Нестеров понимал сейчас. Но в тот момент они оба утратили способность трезво рассуждать. Казалось, что в обезумевшем мире сыграет только жизнь, поставленная на карту. И вот они ехали на мотоцикле вслед за «Мерседесом» сопровождения и «Хеншелями», в которых перевозили три десятка людей.

Машины отклонились от маршрута и повернули в лес, к военному аэродрому.

Шел поезд, задержавший мотоцикл. Нестеров и Саволайнен сбились с дороги, слетели в кювет. В сумерках заблудились в лесу, не зная, в какую сторону двигаться, пока вдалеке не послышались выстрелы.

Грузовики стояли у кромки болота, брезентовые тенты были откинута, внутри — пусто.

Прожектор освещал поляну, на которой возились солдаты с лопатами. Нестеров запомнил полиция со сломанным носом, который шагал по краю ямы и ногами спихивал вниз трупы людей.

В его сознание впечатались и резкие птичьи черты офицера, который достреливал раненых из пистолета — кажется, из люгера.

Целую вечность Нестеров и Саволайнен лежали в кустах, ослепленные низким светом прожектора, и ждали, пока грузовики уедут.

Лаяли собаки. Или нет, там не было собак?

Эсесовцы закончили работу уже под утро, расселись по машинам. В лесу настала тишина, лишь заливались трелью птицы. И Нестеров попытался разрыть могилу. Он видел женщину с отверстием от пули в центре лба — нет, это было позже, под Москвой. Торчащие из глины пальцы, пуговицы на одежде. И это тоже не в тот раз, потом.

Алексей не помнил, как они вернулись в Берлин, почему их не схватил патруль, как удалось объяснить отлучку. Помнил только, что в голове пульсировала, воспалялась, перекатывалась одна единственная фраза: «Они убили всех».

* * *

На площади перед собором старуха в капоре кормила голубей. Мезенцева брезгливо прикрыла нос платком и обошла шумную стаю, поднявшую тучу пыли.

Пыль осела на туфлях и нарядной лаковой сумке, которую Глафира по случаю купила на распродаже и берегла для особых случаев. Пришлось остановиться на ступеньках и протереть платком блестящий лак.

Ей показалось, что два толстых индуса, глазевших на собор, провожают ее восхищенными взглядами. Что ж, фигуру она сохранила, а под вуалью не видно морщин, — ей можно дать не больше сорока. Наверное, приняли за француженку или англичанку. Эй, прочь пошли — колониальным обезьянам не пристало пилиться на госпожу.

Она зашла в собор, поправив шляпку. Там пахло воском, ладаном и прочей похоронной дребеденью — за это Глафира не любила церкви. Шаги ее, как стук по рельсу, разносились гулом под сводами, и это тоже было неприятно. Она увидела, как худой человек в легком пальто, сидевший к ней спиной в левом приделе, слегка передернул плечами.

Мезенцева села на скамейку неподалеку от мужчины. Он заговорил по-немецки.

— Вы опоздали. Данные у вас?

Глафира посмотрела на икону — они сидели под темным ликом Николая Угодника.

— Мой связной прибудет в ближайшее время.

— Кто ваш связной?

— Надежный человек.

— Кто-то из советской сборной? Спортсмен, тренер?

Святой Николай напоминал затрапезного старикашку из эмигрантов, вроде бывшего министра Временного правительства, который на благотворительных ужинах читает пламенные речи, а потом украдкой прячет в карман салфетку с пирожками.

— Видите ли, группенфюрер... Ох, простите, я ошиблась, господин Шилле...

Мужчина обернулся. В его лице было что-то птичье — глубоко посаженные черные глаза, хищный нос, впалые щеки. Мезенцева невольно вспомнила прежнее время, когда этот человек внушал ей и всем окружающим животный страх.

— Мое имя Сайрус Крамп. Я коммивояжер из Луизианы. И я попрошу вас впредь не ошибаться...

«Нет уж, голубчик, прошло твое время командовать», — весело подумала Мезенцева и поднялась, взяла со столика восковую свечу.

— Что ж, мистер Крамп, в этом деле вам придется довериться мне. И своему чутью... Но игра стоит свеч, поверьте.

Она обошла затрапезного Николая и встала перед образом Всех Скорбящих Радость, который еще в гимназии развлекал ее во время долгих церковных служб: можно было разглядывать одеяния и лики, пересчитывать камни на короне Богородицы, представляя себя царицей, перед которой склоняются народы.

— Так что насчет денег?

В собор вошли зеваки, выползли откуда-то церковные старухи, приставленные соскребать воск с подсвечников.

— Вы получите свою цену.

Шилле бросил пару монет в ящик для пожертвований и, не оглядываясь, направился к выходу.

* * *

Для стран соцлагеря построена своя Олимпийская деревня — жилые корпуса, столовая, тренировочная база. Рядом роща с дорожками для бега, озеро, конный клуб. Финляндия лесная, хуторская, малолюдная. Но каждый встречный долгим взглядом провожает колонну автобусов с красными флагами на лобовых стеклах.

Спортсмены в дороге поют: всем известные мелодии из фильмов и народные — тут каждый старается себя показать. Украинские, грузинские, армянские, молдавские напевы веселят, очаровывают, радуют душу. Не обходится и без военных песен, и Нестеров сливает свой голос с общим хором, пусть не всегда впопад.

Дорога долгая, но нет усталости. Все охвачены бодрым волнением, ожиданием праздника, надеждой. На въезде в Олимпийскую деревню установлены флаштоки, красное знамя поднимается первым среди флагов других государств.

К автобусам советской сборной спешат журналисты. Камеры снимают выход тренеров и спортсменов. Нестеров думает, что в какой-то мере происходящее можно назвать новой встречей цивилизаций. Так дружина Олега прибывала в Константинополь; так Афанасий Никитин ходил за три моря. И куда веселей такой вот повод для встречи, чем разглядывать друг друга сквозь прищел.

— Товарищи, все вопросы на пресс-конференции! — отбивается от журналистов Аркадьев. — Спортсмены должны отдохнуть... Потом, товарищи, потом!

Переводчики повторяют его слова по-английски, по-фински. Но журналисты не отступают, тянут микрофоны, выкрикивают вопросы. Сверкают вспышки фотоаппаратов.

Нестеров, Саксонов, Булаков пристроились у задней двери выгружать из автобуса сумки и рюкзаки, заодно глазуют по сторонам, оценивают обстановку. И тут прямо к ним с другой стороны автобуса выскакивает девчонка в синих штанах, с короткой стрижкой. Симпатичная, с прямым изящным носиком, с рыжеватыми, коротко стриженными волосами. На плече на широкой ленте висит большой и тяжелый на вид прибор с двумя катушками и подключенным к нему микрофоном.

— Are you Russians?

Саксонов добродушно улыбнулся.

— Терве! — произнес заученное слово, показывает на магнитофон. — Шикарная машинка. Фантастик! Окей!

Но вместо улыбки лицо девчонки вдруг исказилось ненавистью — словно бес укусил.

— You, Russians! You kill people! My brother is dead! Monsters!!

«Вы, русские, убийцы! — про себя переводит Нестеров. — Чудовища! Убили моего брата!»

Кто, интересно, ее брат — какой-нибудь фашист, угодивший в мясорубку под Сталинградом или в Курляндском котле? Да нет, слишком живое в ней чувство, чтобы так переживать за события десятилетней давности. И совсем молодая, в сорок пятом ей было от силы четырнадцать. Губы прыгают, дрожит подбородок, вот-вот сорвется в рыдания. На шее карта с журналистской аккредитацией, а на карте — шведский флажок. Похоже, не зря Серов рассказал Алексею про воронов Одина.

Ребята застыли в замешательстве, не зная, как реагировать на такое явление, но тут подбежал другой журналист с фотокамерой, и Нестеров вспомнил дедовскую присказку: «Про волка речь, а он навстречь».

Саволайнен вытаращил глаза, будто увидел покойника. Алексей подмигнул незаметно — мол, шума не поднимай. Матиас взял за локоть рыжую девчонку, забормотал по-шведски, оттаскивая ее от автобуса. Она расплакалась, зашла в

истерике. Трудно таким живется, все близко к сердцу принимают. Ищут правды и справедливости, а не найдя, бросаются в крайности, ненавидят весь мир.

Тут как тут нарисовался инструктор Бовин.

— Что у вас происходит? Это провокация! Что она сказала?

Саксонов пожал плечами.

— Да я откуда знаю? Я по словарю всего три фразы выучил... А эта кинулась, как бешеная, «рашенс, рашенс»!

— Припадочная какая-то, — согласился Булаков.

Бовин, любитель раздавать приказы, навел строгача:

— Все, быстро в корпус, и по номерам! Видите, что здесь творится? Больше никаких контактов с иностранцами! По территории ходим в сопровождении!

Нагрузив на спины несколько сумок, Саксонов и Нестеров двинулись к жилым корпусам.

— Ты-то понял, что она сказала? — глянул на Алексея Саксонов.

— Мол, мы все убийцы... Убили ее брата.

— Это что, про войну?

Нестеров пожал плечами:

— А здесь все время будет про войну.

* * *

В своей квартире, в небольшой кладовке рядом с ванной, Саволайнен обустроил фотомастерскую. Проявка фотографий — почти священнодействие. Ты колдуешь с пленкой в полутьме, в тусклом красном свете, вдыхая химический запах реактивов. Придвигашь увеличитель, колышется в кювете вода. И вот на белом листе проявляется изображение — дом, дерево или лицо человека.

Матиас машинально отбирал, проявлял, обрезал фотографии встречи советских спортсменов, но вспоминал совсем другой день. Тогда, в июне сорок первого, в Берлине, после провала безумной попытки спасти профессора Шваба и его дочь, он пролежал два дня, заглушая горе анисовой водкой, то засыпая, то просыпаясь в полубреду. С улицы слышались грубые окрики, пулеметные очереди, лай собак. Пару раз он хотел выйти к ним, крикнуть в голос ругательство или проклятье, чтоб получить пулю в сердце и разом все покончить.

На третий день поднялся, чтобы пойти в ванную комнату, тогда служившую ему лабораторией. И остался там на несколько часов, увеличивая, проявляя, обрезая фотоснимки. Окружил себя портретами улыбающейся Марии, грустной Марии, поющей, бегущей, читающей книгу Марии Плещеевой-Шваб.

Он первым полюбил ее, дочку немецкого физика и русской артистки, а Нестеров отнял его любовь, кажется, даже не зная об этом. Саволайнен тогда сотрудничал с Die Rote Fahne, а Мария со старших классов школы занималась делами отца; втянулась в работу Коминтерна, была избрана в совет Комитета трудящихся женщин, выступала на Бернской партконференции в тридцать девятом году.

После поджога рейхстага и начала гонений на коммунистов Саволайнен остался в Берлине, хотя мог и должен был уехать. Он работал в финском рекламном агентстве, ночами помогая издавать подпольные агитлистки и бюллетени Коминтерна.

Нестеров появился в Берлине в октябре тридцать девятого, после Пакта и раздела Польши. Официально он числился закупщиком при русском торгпредстве, на деле — занимался установлением связей между отделами Коминтерна и Москвой.

Почему Мария влюбилась в этого русского, симпатичного, но в общем-то заурядного парня? Женщин трудно понять, а спрашивать об этом не имеет смысла.

Но пока она была жива, Матиас жил надеждой, что все еще изменится и он получит шанс.

А теперь все было кончено, и он сидел в тесной ванной, окруженный портретами мертвой возлюбленной, задавая себе вопрос: как, для чего жить дальше?

Услышав стук в дверь, он даже почувствовал облегчение — за ним пришли. Он тут же решил, что усыпит их бдительность, изобразит покорность, а на улице бросится бежать, и его застрелят в спину — быстро, насмерть, без мучений.

За дверью стоял тот чешский охранник, Веслав, с которым они договаривались о паспорте и деньгах.

— Ты один?

Саволайнен кивнул.

— Прости, что тогда не вышел на связь. Тем вечером мы получили другой приказ.

Саволайнен догадался — Веслав должен выманить его на улицу, наверняка уже дал показания. Чех слегка замялся.

— Меня отправляют в разведшколу. Хотя бы пока не на фронт... Пришел попрощаться.

— Прощай, — машинально ответил Матиас.

Веслав сунул ему в руку пакет.

— Возвращаю деньги... Я взял половину, ничего? И там записка для тебя.

Матиас, все еще уверенный, что участвует в полицейской игре и через минуту будет арестован, развернул обрывок конверта и пробежал глазами наспех нацарапанные буквы.

«Отец покончил самоубийством. Французские товарищи расстреляны. Мне огласили приговор. Я беременна, расстрел заменили на лагерь. Передай А., что я очень люблю его».

Саволайнен потрясенно уставился на Веслава.

— Мария Шваб жива?..

Охранник кивнул.

— Да. Их отправляют в Аушвиц в начале сентября.

И снова стук в дверь заставил Матиаса вздрогнуть. Память прошлого, разбуженная встречей с Алексеем Нестеровым, оказалась мучительно живой. Но, хуже всего, эта встреча могла перевернуть всю его налаженную сегодняшнюю жизнь.

— Папа, ты здесь? — послышался детский голос.

Саволайнен ответил.

— Да, сынок! Я скоро закончу...

Задумался, не услышал, как жена с сыном вернулись домой — и это плохо, сейчас может дорого стоить любая оплошность.

Саволайнен быстро достал из кюветки фотографии Нестерова, разорвал на мелкие клочки и выбросил в корзину — словно прятал следы преступления. Развесил сушиться оставшиеся фотографии, погасил лампу, сбросил с двери крючок.

В темноту кладовки словно обрушился солнечный свет. Слегка ослепленный, Матиас прикрыл глаза, и сквозь ресницы увидел силуэт женщины, с которой он жил девять лет, так и не привыкнув считать ее своей.

— Извини, я проявлял фотографии.

— А мы с Алекси собрали железную дорогу! — сообщила Мария.

* * *

Утром на пробежке вокруг озера Нестерова догнал крепкий, бритоголовый Николай Саксонов.

— Привет, снайпера! — понизил голос. — Нестеров, не знаешь, как бы нам по-тихому в город смыться?

— Почему ко мне вопрос?

Они остановились на поляне, делая наклоны и махи руками. Николай подмигнул.

— Ты, я вижу, парень бывалый. Языки знаешь... А мне бы в клуб филуменистов попасть. Я с одним по почте списался, привез кое-что на обмен...

— Так ты филателист?

Саксонов привычно поморщился.

— Да нет, говорю же — филуменист. Спичечные коробки собираю. Давно еще, со школы...

Они повернули и снова побежали по дорожке мимо тренерского стола, за которым, разложив бумаги, что-то обсуждали Киреев и Шимко.

— Не боишься, Бовину доложу? — сощурился Нестеров.

— Да вроде не похож ты на стукача.

— Ладно. Подумаем, как быть. Мне и самому бы в город надо. Одной женщине подарок привезти.

Саксонов понимающе улыбнулся.

Саволайнен и Хильда с утра засели в кустах у озера. Саволайнен делал репортажные снимки, Хильда наблюдала за тренировкой советских спортсменов в бинокль.

— Они держатся вместе... Все время рядом тренеры и вон тот человек в полосатой рубашке. Наверняка это надзиратель! Мы не сможем с ними поговорить...

— Надо ждать, — Саволайнен прикусил травинку. — Всегда бывает случай.

Спортсмены снимали одежду у берега пруда, собираясь купаться; Саволайнен с Хильдой рискнули подобраться ближе. Почти у всех мужчин, входивших в воду, на теле виднелись затянувшиеся рубцы. Журналистка, раскрыв рот, в бинокль рассматривала следы разрезов и швов, синие пятна ожогов, келоидные стяжки.

— Смотри, они все... в шрамах? Почему?

— Потому что война, — пожал плечами Саволайнен.

Хильда потрясенно замолчала.

Матиас, конечно, ожидал, что их могут заметить, и готовился предъявить журналистские карточки, но появление Нестерова застало его врасплох. Кусты раздвинулись внезапно и бесшумно, Алексей поднырнул под ветки и лег на землю рядом с Саволайненом, протянул для рукопожатия широкую шершавую ладонь.

— Полчаса вас тут наблюдаю... По маскировке — неуд. Сразу видно, в боевых не участвовал.

— Не участвовал, — признался Саволайнен.

Нестеров улыбнулся весело и просто — Матиас помнил эту обаятельную улыбку с тех, берлинских времен.

— Вот и хорошо! Хорошо, что не с фашистами, — Алексей без церемоний взял у Хильды бинокль и начал смотреть на заплыв советских спортсменов, одновременно спрашивая. — Как живешь, Матиас? Построил дом, родил сына?

— Да. У меня сын.

Они говорили по-русски и Хильда, поначалу оторопевшая от внезапного вторжения, дернула Саволайнена за рукав.

— О чем вы говорите? Я не понимаю... Спроси его про шведский самолет! Скажи, мой брат пропал...

Со стороны озера слышались крики тренеров, счет, всплески прыжков.

— Алексей, нам нужна помощь, — проговорил Матиас. — Это Хильда Брук, журналист из Стокгольма. Ты слышал про шведский самолет, который пропал у советской границы? Ее брат был там... Мы пытаемся хоть что-то узнать.

Нестеров развел руками.

— Ты же понимаешь, Матиас, нет у меня доступа к такой информации. Скорее всего, самолет залетел в наше воздушное пространство и его просто сбили...

— Но тут ходят слухи, что машину могли взять под конвой и увести на советский аэродром. Значит, экипаж жив... Нам нужно только это! Узнать, что стало с экипажем.

Хильда жадно слушала, пытаясь по лицам Саволайнена и Нестерова понять смысл разговора.

Нестеров усмехнулся, пристально глядя на Саволайнена.

— И с оборудованием?

— Что? Я не понимаю...

— Шпионское оборудование могло попасть в руки советских спецов. Про это вы тоже хотите узнать?

Матиас очень убедительно покраснел, затряс головой, отрицая самую возможность такого интереса.

— Нет, нет! Это личное дело. Я не работаю на разведку, если ты это имеешь в виду...

— Да ничего я не имею в виду, — снова усмехнулся Нестеров и отдал Хильде бинокль. — Хотя, если честно, очень похоже на то.

Саволайнен выглядел подавленным.

— Нас многое связывает, Алексей. И если ты можешь помочь — ради нашей прежней дружбы, — просто помоги этой девушке узнать правду.

Хильда попросила по-шведски:

— Скажи ему, что я не хотела обидеть спортсменов. Зря я на них набросилась. Я бы могла сделать с ними интервью...

— Хильда просит прощения, — перевел Саволайнен.

— Да, я понял, интервью... Ну, посмотрим.

На прощание Нестеров протянул руку.

— Увидимся на пресс-конференции.

Он кивнул Хильде и, придерживая ветку, скрылся в кустах.

Через минуту он уже бежал по берегу озера вместе с командой пятиборцев в сторону тренерского стола.

* * *

Для пресс-конференции сборной СССР предоставили Дворец государственных приемов в Хельсинки. Зал большой, но и зрителей набилось под завязку. У сцены толкаются операторы, расставляют камеры, переговариваются на разных языках. Шелкают зал — то и дело работают вспышки. Атмосфера наэлектризована, много охраны.

Зал поделен на две части. Слева члены советской делегации, спортсмены, справа — журналисты, представители общественных организаций, тренеры и персонал других сборных.

— Народу сколько, ужас, — шепчет Нина Ромашкова, оглядывая публику.

— Всем любопытно посмотреть, что за зверь такой: советский человек, — усмехается Шагинян.

Между рядами пробирается Бовин, садится рядом со спортсменами, строго поглядывая, как бы кто не нарушил инструкции.

На сцене — столы, микрофоны. Наконец появляется финский представитель Олимпийского комитета, за ним наши тренеры, административный состав. Все заметно нервничают, Аркадьев время от времени промокает лоб платком.

— Дамы и господа! Начинаем пресс-конференцию олимпийской сборной Советского Союза. Я рад представить вам господина Аркадьева, главного тренера сборной, а также...

Гулко разносится под сводами речь ведущего, голоса переводчиков. Серов читает вступительный текст, заглядывая в записи.

— Товарищи! Как вы знаете, советская команда впервые согласилась на участие в Олимпийских играх. Решение об участии было принято по инициативе генерального секретаря Центрального комитета партии Иосифа Виссарионовича Сталина...

«Советская» часть зала аплодирует, «западная» хранит молчание. Серов продолжает:

— В 1951 году по предложению товарища Сталина был создан советский Олимпийский комитет, который стал полноправным членом Международного Олимпийского комитета...

Один переводчик повторяет речь по-английски, второй по-фински. Зал постепенно теряет внимание, публика начинает переговариваться, скучать.

Нестеров оглядывает «фирмачей». Есть люди как люди, а некоторые сидят с чванным видом, изображая недовольство всем, что слышат со сцены. Вот молодой американец в дымчатых очках вытянул ноги в проход и демонстративно жует жвачку, работая челюстями, как дворник лопатой. Вот седой канадец с кленовым листком на лацкане пиджака брезгливо поглядывает на «русских медведей» — тяжелоатлетов, сидящих в третьем ряду. Вот дама в кружевной накидке, с черными волосами, похожими на парик, высокая и прямая как палка, не мигая, смотрит на докладчика. Ее глаза полны холодной, еле сдерживаемой ненависти. Нестеров задерживает взгляд на ее элегантные туфлях. Сколько ей — лет пятьдесят? А ноги в шелковых чулках стройны и красивы. У ног стоит довольно большой старомодный саквояж.

Тренер Аркадьев читает по бумажке:

— ...Наша делегация — самая многочисленная на Олимпиаде. Завтра во время открытия игр на стадион выйдут двести девяносто пять спортсменов...

Не дав переводчику закончить, американский журналист, перекатывая жвачку во рту, выкрикивает с места вопрос.

— Почему ваши спортсмены ходят в красных галстуках? Мы знаем, что это форма советских скаутов, пионеров?..

Со сцены отвечает Серов:

— Пионеры означает «первые». Мы здесь впервые... И, конечно, рассчитываем стать первыми в олимпийском зачете.

Тут же другие журналисты начали выкрикивать с мест по-английски, по-фински, по-французски.

— Почему советские спортсмены живут отдельно от других?

— Чего вы боитесь?

— Это личное распоряжение Сталина?

— Если ваша команда проиграет, всех посадят в тюрьму?

Тренеры растерянно переглядываются. Переводчик начинает переводить вопросы. Рыжеволосая Хильда машет рукой, привлекая внимание:

— Хей! Расскажите про сбитый шведский самолет! Люди должны знать правду!

Ведущий призывает к порядку. Нестеров оглядывает зал и краем глаза замечает, как дама в черных туфлях наклоняется, открывает свой саквояж и вдруг начинает кричать как в припадке.

— Убийцы! Горите в аду!.. Под трибуной заложена бомба!!

Нечто страшное, будто кровавый ошметок мяса, вылетает из саквояжа. Слышится женский визг.

— Крысы! Крысы!..

Да, это крысы, измазанные чем-то красным, разбегаются по залу.

— Крысы! Бомба! Бегите! Спасите! Взорвется! Открывайте двери!..

Визг, паника, через ряды бархатных кресел люди бросаются к выходу. А Нестеров видит, как дама с саквояжем быстро поднимает с пола спичечный коробок.

Когда она успела сбросить парик и накидку, надеть темные очки? Неузнаваемая, она поднимается до конца прохода и скрывается за служебной дверью, прикрытой занавеской.

Коробок! Нестеров бросается вслед за дамой, проталкиваясь сквозь толпу. За его спиной со сцены Серов пытается призвать к порядку.

— Товарищи, не надо паники! Это провокация, никакой бомбы нет! Выходите из левой двери, не толпитесь...

Повсюду на полу кровавые следы, оставленные крысами. Нестеров толкает дверь, за которой скрылась дама, но кто-то уже запер ее на ключ.

* * *

У выхода из здания, пробравшись сквозь толпу, Нестеров догнал Серова.

— Павел Андреевич, надо поговорить.

— Хорошо, садитесь в машину...

Было видно, что комиссар крайне раздражен произошедшим на пресс-конференции.

— Столько охраны, и не могли проверить сумку... А нам оправдываться, почему допустили, почему отреагировали не так, как надо! Сумасшедший дом!

— Она не сумасшедшая. Эта женщина с крысами действовала очень расчетливо, — возразил Нестеров. — Я думаю, она — опытный агент. Организовала панику, быстро сменила внешность и вышла через служебную дверь, которую заперла за собой... Она не просто так устроила представление, у нее была цель.

— Какая?

Серов слушал сосредоточенно, без тени насмешки или недоверия.

— Кто-то из наших бросил ей спичечный коробок. Вероятно, контейнер с секретной информацией.

— Вы сами это видели? — Серов подался вперед, вглядываясь в лицо Алексея.

— Да. К сожалению, не заметил, кто бросал... Но этот человек сидел в седьмом или восьмом ряду. Нужно составить список... Так, чтобы не спугнуть.

— Хорошо, мы этим займемся.

Нестеров решил рассказать и о встрече с Матисом во время тренировки.

— У меня был контакт с Саволайненом. Как вы и говорили, они хотят узнать про шведский самолет. По их легенде, на борту был брат этой журналистки...

— Хильды Брук. Мы узнали, это правда — ее брат, радиотехник, служил на аэродроме.

Все нити сходились, и где-то в глубине паутины сидел паук, который ее сплел.

— Нужно найти эту женщину с крысами... Не знаю, можно ли доверять Саволайнену. Но я готов включиться в игру...

— Хорошо, действуйте по обстановке. Но держите меня в курсе...

— Что, если устроить интервью для финских репортеров? И еще — мне нужно выйти в город. Проверить одну версию...

Серов кивнул без раздумий.

— Мы организуем для спортсменов экскурсию на главный стадион. У вас будет возможность незаметно уйти. Личность этой дамы выясним, я думаю, быстро. Установим наблюдение, — Серов снял очки и поднял на Нестерова близорукие глаза. — Значит, коробок?

— Да. Обычный советский спичечный коробок с самолетом.

Глава 4. НА ВЫСОТЕ

Со смотровой башни Олимпийского стадиона открывается прекрасный вид на Хельсинки. Парк с живописными озерами, жилые кварталы, широкая чаша спортивной арены. Мезенцева поднимается по лестнице, тяжело дыша, — она уже не рада, что назначила встречу с Шилле именно здесь, из одной любви к эффектам. Глупо, надо было встречаться в рыбном ресторане и заказывать лобстеров — пусть начальство платит, — как раньше ей это не приходило в голову? Впрочем, раньше она побаивалась Шилле и не хотела его раздражать. Но теперь-то у нее все козыри в руках, и нечего церемониться.

Глафира остановилась на верхнем пролете, успокаивая дыхание. Все, вот уже площадка башни. Стекла ограждения приоткрыты, ветер треплет волосы и шарф. Шилле в клетчатом плаще стоит, глядя в сторону залива, держит в руке шляпу. Группа туристов, какие-то пестро одетые азиаты, глазуют по сторонам, делают фотографии.

— Для чего вы устроили этот цирк? Крысы, паника, срыв пресс-конференции... Теперь вас разыскивает полиция.

У Шилле неприятный, сиплый голос, в раздражении звучащий будто клекот, на затылке проглядывает лысина. Глафира думает: «Неужели когда-то она была до дрожи, страстно влюблена в этого самодовольного болвана? Вот дура!»

— Наплевать... В полиции давно знают, что я всего лишь сумасшедшая старуха, ненавидящая русских. Дело замнута.

Шилле помолчал.

— Надеюсь, это имело смысл. Вы получили данные?

Толстяк со шкиперской бородкой фотографировал группу студентов. Он прицелился объективом в Мезенцеву, она поспешила отвернуться.

— Видите ли, группенфюрер... Ох, простите, мистер Крамп. Это предприятие дорого далось мне. Пришлось заплатить порядочную сумму информатору — золото, камни. Я переправила в СССР фотографическое оборудование. Я оплатила перевоз контейнера через советскую границу — мои помощники рисковали жизнью...

— Вы набиваете цену?

— Натюрлих. Париж стоит мессы.

Шилле издал горловой звук — этот его фирменный кашель, знак недовольства, когда-то заставлял людей бледнеть.

— Признаться, я уже жалею, что связался с вами. Я рискую своей репутацией...

— Репутацией?! — расхохоталась Глафира. — Каким щепетильным вы стали после сорок пятого года... Впрочем, чтобы вы понимали, какие козыри у меня на руках...

Мезенцева открыла сумочку, достала спичечный коробок, в котором было устроено двойное дно и там, под спичками, между слоями папиросной бумаги, лежали десять микропленок, которые с огромным риском добыла для нее сестра.

— Здесь первая часть документов. Можете проверить, проконсультироваться с вашим начальством... Но самые секретные сведения я получу чуть позже.

Шилле протянул руку в перчатке, но Мезенцева не спешила отдавать коробок.

— Аванс?

Шилле достал из кармана небольшой потрепанный молитвенник.

— Пятьдесят тысяч. Остальное зависит, интересен ли нам материал.

— Хорошо. В четверг встретимся в парке, в ресторане «Берег». Надеюсь, к этому времени вы приготовите мой гонорар — триста тысяч в долларах, остальное в золотых изделиях. Я предпочитаю кольца с крупными бриллиантами, изумруды, рубины. Их проще вывезти из страны. Только не вздумайте подсунуть мне подделки!

Шилле посмотрел на Мезенцеву долгим и мрачным взглядом.

— Да вы и правда сумасшедшая старуха.

Глафира придвинула к нему лицо и зашептала, брызгая слюной:

— О нет, мой господин... Просто я безумно хочу выбраться из этой чухонской дыры! Всего-то жалкие полмиллиона за «Буревестник» — роскошный военный план, который разрабатывали лучшие умы страны Советов! Это шикарная сделка. Без обмана. Клянусь, ваше начальство будет счастливо заполучить эту добычу!

Шилле брезгливо отстранился, платком вытирая щеку.

— Мы изучим документы, вскоре вы получите ответ, — он повернулся, чтобы уйти, но застыл, поднял руку в перчатке: — Кстати, где вы взяли столько крови, чтобы измазать этих крыс?

Мезенцева снова расхохоталась.

— Я вылила на них бутылку томатного соуса... Отборного немецкого кетчупа!

Шилле начал спускаться по ступеням вниз.

* * *

У подножия смотровой башни — кассы стадиона. Туристы и местные толпятся в очереди за билетами, счастливики забирают из окошка заранее оплаченный заказ. Мария Саволайнен, стройная блондинка в красном дождевом плаще поверх приталенного узкого платья, отходит от окошка с билетами в руках. Они с сыном будут смотреть футбол, плаванье, конные состязания — Алекси любит лошадей. Два дня назад Матиас почему-то стал отговаривать ее идти на стадион, даже предложил купить путевки и отправить их с Алекси к морю на время Олимпиады. Это звучало странно, ведь раньше он говорил, что такое событие нельзя пропустить.

Матиас прекрасный муж и любящий отец, их многое связывает. Они почти не ссорятся — это удивляет закройщицу Лидию Оскаровну и продавщиц, работающих в ателье Марии. Но удивляться нечему, ссоры бывают в семьях, где страстно любят или ненавидят, а Мария давно живет с замороженным сердцем, не испытывая ни сильной радости, ни печали. В этой северной земле ей спокойно, нет желания стремиться куда-то, что-то менять. Она охладела к политике, разочаровалась в идеях, которым так пылко служила в юности. А смыслом существования стал единственный сын, выношенный в нацистском лагере и рожденный в бараке, чудом спасенный в голоде и болезни.

Война прожевала ее и выплюнула — бесплодной, застывшей, жаждущей только покоя и мирных домашних занятий.

Рассеяннo перебирая билеты, она чуть не столкнулась с мужчиной в клетчатом плаще. Он приподнял шляпу и произнес с сильным американским акцентом:

— Pardon me...

Лицо со впалыми щеками, цепкий птичий взгляд. Нет, этого не может быть. Ужас неуверенности был страшнее узнавания, Мария оглянулась и поняла, что мужчина тоже узнал ее.

Ошибки быть не могло. Ей перешел дорогу Готлиб Шилле, офицер СС, начальник тюрьмы Плетцензее.

* * *

Открытие XV Олимпийских игр в Хельсинки состоялось девятого июля. Был пасмурный день, накрапывал дождь, но голос комментатора звучал бодро и торжественно.

— Честь зажечь олимпийский огонь предоставлена финскому легкоатлету Пааво Нурми. Его рекорд в беге на длинные и средние дистанции — двенадцать олимпийских медалей, из которых девять золотых. Вот он появляется на беговой дорожке стадиона с олимпийским факелом... Взлетают голуби. Вспыхивает огонь в олимпийской чаше... Слышны аплодисменты и восторженные крики зрителей.

Ким прильнул к радиоприемнику, жадно слушает трансляцию с открытия игр. А посреди кухни стоит Елена Наркисовна, жена заведующего какой-то базой, постоянная заказчица Анны, и примеряет то самое белое платье из легкого крепдешина.

— На стадион выходят советские атлеты и представители Олимпийского комитета СССР, — объявляет комментатор. — Женщины — в бело-голубых костюмах, на мужчинах белые костюмы с ярко горящими на груди красными галстуками. Знаменосец сборной — украинский штангист Яков Куценко. Пожелаем нашим спортсменам побед и медалей!

Зазвучал спортивный марш.

— Все активней внедряется механизация в колхозных хозяйствах Кубани...

Ким вздохнул, прикрутил громкость радио.

— Ничего толком не сказали...

Елена Наркисовна ядовито усмехнулась своими изогнутыми, как две гусеницы, накрашенными губами.

— Что же вы думаете, про вашего Алексея будут по радио говорить? Пятиборье и стрельбу даже не транслируют! Всех интересует только футбол.

Ким посмотрел на женщину, не скрывая неприязни.

— Про дядю Лёшу будут говорить! Потому что он станет чемпионом... Его наградят в Кремле! Мы с мамой тоже пойдем.

Анна смутилась.

— Ким, я же тебя просила... не мешай нам! Сядь спокойно, книжку почитай.

Ким послушно взял книгу, сел у окна — не хотел спорить с матерью при чужих.

Платье облегалo пышные формы Елены Наркисовны, она подняла руку.

— Вот здесь, под мышкой, тянет.

Анна немного распустила шов, придержала булавкой.

— Так лучше?

Заказчица вскрикнула.

— Осторожнее! Вы меня чуть не укололи!

— Простите ради бога... Вот так хорошо?

— Все равно тянет!

Анна распустила всю наметку.

Ким, уткнувшись в книгу, молча сердился на мать — вечно она робеет, извиняется перед этой буржуйкой. А та и рада издеваться над людьми.

Нет, с женщинами не сваришь каши! Ким перелистал книжку, которую почти что выучил наизусть, нашел любимый отрывок.

— Эй, вставайте! — крикнул всадник. — Пришла беда, откуда не ждали. Напал на нас из-за Чёрных Гор проклятый буржуин. Опять уже свистят пули, опять уже рвутся снаряды. Бьются с буржуинами наши отряды, и мчатся гонцы звать на помощь далекую Красную Армию...

Анна украдкой смотрела на сына, а Елена Наркисовна смотрела в зеркало и, оправляя белое платье, недовольно повторяла:

— Ну хорошо, хорошо.

* * *

— Посмотрите на меня...

Рука в черной лайковой перчатке берет за подбородок и поднимает голову Марии. Они вдвоем в одиночной камере в тюрьме Плетцензее, она сидит на железной койке, отрешенно глядя в стену. Колет в боку, саднят разбитые ноги, губы распухли и онемели.

Отец любил повторять, что в любой трудной ситуации на помощь приходит математика, и Мария мысленно рисует в воздухе тождество Эйлера — $E, \text{Игрэк}, \text{Икс}$ равняется косинусу Икс Игрэк Синус Икс ...

Затянутый в серый мундир, будто в корсет бального платья, Шилле стоит перед ней, заложив руку за спину, другой рукой сжимая ее подбородок.

— Вас били? Какой безвкусный метод. Красивой женщине нужно позволить сохранить хотя бы лицо...

Острая боль пронизывает надкостницу, Мария отталкивает руку. Шилле ждал этого, чтобы с удовольствием, с оттяжкой хлопнуть ее по щеке. Удар головой о стену, выпышка, звон в ушах.

«Косинус Пи равняется минус единице»...

— Вы можете меня изуродовать, даже убить. Но вы ничего не добьетесь... Отец никогда не согласится работать на вас.

Он снова бьет. Его бритый кадык движется под кожей, как при глотательном движении.

— Ваш отец сегодня ночью повесился в камере.

Шилле впивается взглядом, чтобы снова глотнуть, насладиться энергией боли. Мария прижимает руку ко рту, сдерживая крик.

— Вы нам больше не нужны... Я подписал документы на отправку в лагерь Аушвиц — вы, коммунисты, распространяете мрачные слухи про это место. Слухи лгут, на деле все гораздо страшнее...

Он изящно поворачивается на каблуках.

— Но вы можете купить себе свободу, — он снова наклоняется к Марии. — Нам нужен архив. Научные записи, тетради вашего отца. Сообщите, где они хранятся. И мы отпустим вас в СССР. К вашему русскому любовнику...

«Сумма корней из единицы n -ой степени при n меньше единицы равна нулю»...

Мария вскидывает голову.

— Отец уничтожил свой архив.

Шилле по-собачьи обнажает верхнюю губу и хватает ее за одежду, рвет залитую кровью рубашку на ее груди.

— Жидовская подстилка! Коммунистка! Завтра я отдам тебя в казарму, к солдатским отбросам из зондер-команды. Они будут насиловать тебя без остановки несколько часов! Никто не заметит, как ты сдохнешь, и пьяные скоты будут продолжать насиловать твой труп...

«Тождество Эйлера как символ единства математики, соединяет три основные математические операции и пять фундаментальных математических констант, принадлежащих к четырем классическим областям... и часто приводится как пример математической красоты»...

Сон, бред, искажение памяти? Но ей отчетливо представляется, как Шилле рычит и набрасывается на нее, чтобы впиться зубами в ее шею, перекусить артерию. Откуда взялась могучая сила в слабых руках, как удалось его оттолкнуть? Помнила только, что в отчаянии стучала по железной двери кулаками.

— Помогите! Помогите!..

Открылась «кормушка», показалось грубое лицо унтер-офицера Кравца.

— Нужна помощь, господин группенфюрер?

Шилле сделал знак, Кравец отпер дверь.

— Заключенную 15/41 включить в списки на отправку в Аушвиц.

Мария помнила, как стояла, прижавшись к стене, тяжело дыша.

— Вы будете прокляты... Вас будет ненавидеть весь мир. Вы можете убить тысячи, миллионы людей... Но вам не победить! Никогда! Никогда!.. Вас ждет расплата.

Нет, конечно, ничего этого она не могла ему сказать. Избитая, напуганная, растерянная девочка...

Дверь в камере захлопнулась, в замке повернулся ключ.

Мария вздрогнула, услышав поворот ключа в двери. В коридоре вспыхнул свет.

— Я дома! — крикнул Саволайнен. Зашел, щелкнул выключателем в комнате. — Прости, задержался. Ярвинен никого не отпускал, срочно переверстывали номер...

Матиас снял пиджак, понюхав ткань.

— Прокурили мне весь костюм. Скорей бы развязаться с этой Олимпиадой... А почему ты сидишь в темноте?

Мария посмотрела на мужа.

— Я видела Шилле.

— Что? — Саволайнен опустился на диван. — Ты ошиблась. Шилле давно убит.

— Это был Шилле. Мы столкнулись у кассы стадиона... Он тоже узнал меня.

Матиас помотал головой.

— Но я видел выписку о его смерти, когда искал тебя по лагерям, в сорок пятом году...

Мария поднялась, плотнее прикрыла дверь в комнату сына.

— Мне страшно, Матиас. Я закрываю глаза и вижу тюрьму. Допросы, камеру. То утро, когда выводили людей... Шилле стоял во дворе. Старики падали, Кравец бил их рукояткой пистолета... Там были женщины, старухи, дети.

Саволайнен обнял Марию, поцеловал ее легкие светлые волосы.

— Милая, я с тобой. Я люблю тебя... Все плохое осталось в прошлом. Нужно забыть.

— Нет, забывать нельзя! — проговорила она с внезапным, не свойственным ей ожесточением. — Пока он жив, я буду думать обо всех тех людях, которых он убил. Пока он жив, мы все в опасности — ты, я, Алекси!

Матиас потрясенно замолчал. А если это правда, и жена не ошиблась?

— Хорошо. Я попробую навести справки. Попрошу редакцию сделать запрос...

Тревога, вдруг охватившая его, заставила подойти к шкафу и достать высоко спрятанную обувную коробку.

— Здесь лежит пистолет. Просто, чтобы ты знала.

Матиас открыл коробку. Мария подошла, взяла и осмотрела пистолет привычно и деловито. Саволайнен невольно подумал, как мало знает о женщине, которая живет с ним бок о бок столько лет.

Они почти не говорили о лагере, она никогда не вспоминала тюрьму, хотя он догадывался, какой ад ей пришлось пережить.

— Я купила билеты на футбол и конные соревнования, — голос Марии снова звучал привычно, немного устало. — Но мне уже не хочется никуда идти. Не оставляй меня одну, прошу тебя...

Саволайнен порывисто обнял жену. Она уткнулась лбом в его плечо.

— Поскорей бы кончилась эта Олимпиада!

* * *

— Показатели в норме.

Нестеров, голый по пояс, сидя на стуле, ощущал прикосновение к коже теплых женских рук и холодного кружка стетоскопа. Глубоко вдыхал, задерживал дыхание. Наконец врач отложила стетоскоп, раскрыла свою тетрадку для записей. Неодобрительно покосилась на кипятильник в стакане, на банку кильки в томате, прикрытую льняной салфеткой.

Евдокия Платоновна — крашенная брюнетка лет сорока восьми, с красивым, но каким-то застывшим, всегда непроницаемым лицом. Видимо, строгая манера и категоричность выработались в ней от долгой работы в мужском коллективе, где в ходу и насмешки, и соленые шуточки.

— Показатели в норме. Одевайтесь.

Нестеров натянул майку, освободил место Саксонову. Коля, садясь на стул, украдкой заглянул в тетрадь докторши Гусевой.

— Хоть сейчас жениться, Лёша!

Чемпион-пятиборец Дечин, который у окна разминал плечи немолодому уже спортсмену Андрееву, высказал мнение:

— Вот отстреляется на медаль, тогда и женим. — Подмигнул Нестерову: — Девочек-то много, в очередь стоят. Хоть за валюту продавай!

Гусева пристально, с научным интересом посмотрела на Алексея.

— А вы что, не женаты, товарищ Нестеров?

Он улыбнулся.

— Да уже почти женат. Подали заявление перед самыми играми...

Саксонов обернулся.

— Да ну? Долго ты держался, Лёша, а все равно приплыл!

— На свадьбу приглашай! — пробасил Андреев. — Так не отделаешься!

Гусева жестом приказала Саксонову молчать, стянула его руку манжетой аппарата для измерения давления.

В комнату без стука зашел инструктор Бовин с какими-то бумагами.

— Товарищи, важное объявление! — Бовин принялся. — А чем у вас так пахнет?

— Скипидар! — Дечин плеснул из бутылочки на руки, растер, снова взялся за плечи Андреева. — Самое лучшее средство — мышцы разогреть. А то у этих западников кремы всякие — химия!

Андреев как бы в оправдание указал на врачуху.

— Вот и Евдокия Платоновна одобряет!

Не устаивая ни Дечина, ни Андреева взглядом, Гусева проронила:

— Медицина признает народные средства, но только как дополнение к научным методам лечения и профилактики.

Дечин посетовал:

— Строгая женщина Евдокия Платоновна. Живем как в пионерском лагере. В шесть — подъем, в десять — отбой. Свет вырубает, и все, не поспоришь...

— Вот и не надо спорить! — одобрил Бовин. — Товарищи, важное объявление! Сегодня после ужина в «красном уголке» пройдет встреча с финскими журналистами. Будьте осторожны! Все ваши ответы могут быть использованы в целях капиталистической пропаганды...

Инструктор замолчал на полуслове, глядя под стол. Нагнулся, ногой придвинул к себе пластмассовое мусорное ведро и двумя пальцами достал «улику» — стеклянную бутылочку из-под кока-колы. Демонстрируя находку, он оглядел спортсменов с возмущением и укоризной.

— Товарищи, вас же предупреждали! Неизвестные напитки употреблять запрещено!

Саксонов попытался отшутиться — он, дежурный по комнате, забыл вынести ведро к общему мусорному баку.

— Да разве мы употребляли? В ихней кока-коле даже градуса нет. Что пил — что на баяне играл...

Бовин повысил голос.

— Вам все шуточки, а тут серьезное дело! В субботу еще экскурсия на стадион! Учтите, за самовольную отлучку будем серьезно наказывать...

— Попросите их еще в комнате прибрать, — добавила Гусева. — Гантели, сумки на проходе. Нарушена пожарная безопасность.

Она показала на кипятильник.

Нестеров, убирая свою сумку под кровать, случайно увидел раскрытый чемодан Саксонова. В нем лежали пачки спичечных этикеток и коробков.

Алексей натянул через голову олимпийку и вышел в коридор.

* * *

Серов в своей комнате, напоминавшей кабинет, сидя за столом, заполнял какие-то бумаги.

— Алексей Петрович, вот хорошо, что зашли. Есть новости по нашей даме с крысами.

Он запер дверь, показал Алексею отпечатанную на машинке выписку.

— Глафира Мезенцева, эмигрантка, из семьи богатых фабрикантов. После Кронштадтского мятежа бежала по льду в Финляндию. Имеет связи с белоэмигрантским подпольем, жила в Берлине, в Париже. По некоторым сведениям, во время войны служила переводчицей в одной из тюрем Гестапо... Вернулась в Финляндию пять лет назад.

Алексей пробежал глазами справку.

— Наверняка остались родственники в СССР.

— Проверяем, — кивнул Серов. — Кстати, вы знали, что жена Саволайнена — тоже русская? Держит швейное ателье, где одеваются дамы из эмигрантской среды. И Мезенцева там тоже бывает.

Алексей пожал плечами.

— Нет, он не говорил. Но я могу спросить.

— Вот что... Сегодня, во время интервью журналистам «Рабочей газеты» попробуйте договориться с Саволайненом о встрече. Мы вам организуем выход в город... Постарайтесь как можно больше разузнать про эту Хильду Брук, ну и прочее, по обстановке. Не мне вас учить...

Нестеров кивнул.

— До вечера.

Серов напоследок сообщил самое важное.

— Да, во время пресс-конференции в восьмом ряду у прохода сидели Саксонов, Гороховская и Гусева, а на седьмом — Шагинян, Ромашкова и Бовин.

* * *

— А я почти не волновался, — говорит улыбчивый Витя Чукарин, гимнаст. — Ну Олимпиада... Что такого? Просто вышел и выполнил программу.

Чемпионов собрали в «красном уголке», посадили на фоне знамен, вымпелов и портретов. Тренеры, спортсмены — всего человек тридцать — стоят у стен и окон, готовы выступить в поддержку товарищей.

За столом сидит главный редактор финской «Рабочей газеты» Ярвинен, перед ним крутятся бобины солидного, отделанного хромом магнитофона. Переводчик из советского посольства чешет по-фински как на родном. Тут и Саволайнен с фотоаппаратом: щелкает спортсменов, ловит удачные, живые кадры. Рыжеволосая Хильда тоже напросилась, пообещав, что будет молчать и записывать — и правда, сидит в углу, делая пометки в блокноте.

Переводчик ставит микрофон перед Ниной Ромашковой.

— Я? А что говорить?..

— Что вы почувствовали, когда поняли, что побили рекорд?

— Помню, посмотрела на табло, увидела свой результат... Подумала — наверное, тут какая-то ошибка. То есть, я на тренировках бросала и на пятьдесят четыре, но здесь волнуешься сильно... А девочки уже ко мне бегут. Кричат: «Рекорд, рекорд!» А я ничего не понимаю... Тренер им говорит — погодите радоваться. Может, они еще все пересчитают...

Ярвинен спрашивает через переводчика.

— Кто пересчитает?

— Ну, судьи, организаторы... А потом слышу, объявляют... мое имя!

Нина вдруг, без всякого перехода, заливается слезами. Она прячет лицо в ладони. К ней бросаются подружки. Саксонов смеется.

— Плачь, Нинка, плачь! Тебе можно, ты теперь навек в истории. Первая олимпийская чемпионка СССР!

Бовин приподнимается.

— Товарищи, посерьезнее! Времени мало, не отвлекайтесь!

Ярвинен говорит по-фински, переводчик спрашивает:

— Это правда, что гимнаст Грант Шагинян имеет повреждение ноги?

Шагинян смущенно прячет глаза.

— Было дело... Ранено в сорок третьем году, на фронте. Думал, не то что гимнастикой, ходить не смогу. Инвалидом жизнь закончу...

Тренер перебивает гимнаста.

— Видали инвалида? Да у него соскок с коня — это же песня армянской зурны! Он же в Будапеште шесть золотых медалей взял на гимнастическом турнире. Сразу на четырех снарядах! И здесь уже золото и серебро...

Шагинян улыбается.

— И еще возьму. Завтра на брусьях...

Саволайнен фотографирует Шагиняна, Ромашкову, Саксонова. Ярвинен спрашивает:

— А всего — сколько фронтовиков в вашей команде?

Бовин пожимает плечами.

— Мы не вели подсчет. Что вы хотите — военное поколение...

Гимнастка Маша Гороховская поднимает руку, как в школе. Оглядывается на спортсменов.

— Можно, я скажу, ребята? Многие из вас сражались на фронте, были ранены, контужены... Кто-то — как Ваня Удодов, как Витя Чукарин, — чудом выжили в нацистских лагерях смерти. А кто-то работал в тылу, на заводе. Или, как я, пережил блокаду Ленинграда. В пустом холодном общежитии, когда нет сил подняться с постели... Но ты встаешь, идешь на крышу тушить зажигательные бомбы.

Саволайнен делает фотографии. Нестеров встречается с ним взглядом, сжимая в руке записку, в которой назначено время и место встречи. Когда все потянутся к выходу, Алексей найдет случай сунуть записку Матиасу в карман.

— Знаете, что я думаю? Мы все фронтовики, — продолжает Маша, оглядывая ребят. — Вся страна, от мала до велика. Только война не сломила нас, а закалила. Сжала в тугие пружины. Мы узнали большое горе, но не перестали мечтать и дерзать. И мы будем бороться за то, чтобы жизнь наша была по-настоящему счастливой!

Спортсмены хлопают в ладоши — не по разрядке, от души. Ярвинен смотрит на девушку.

— Я хотел спросить... В Советском Союзе до сих пор испытывают ненависть к Германии? И к тем странам, которые воевали на стороне Гитлера?

Бовин с тревогой оглядывается на Серова, но тот молчит, молчат и спортсмены. Нестеров, сам не зная почему, вдруг вспомнил эти стихи, начинает негромко читать отрывок из Гейне.

— Ein neues Lied, ein besseres Lied, o Freunde, will ich euch dichten, — и сам переводит. — Новую песню, лучшую песню, друзья мои, я напишу для вас...

Гороховская подается вперед, показывая на блокнот Хильды Брук.

— Запишите там себе... У советских людей нет ненависти к другим народам. Мы ненавидим только нацизм. Только нацизм!..

Глава 5. ОШИБКА МАСКИРОВКИ

Лобстеры медлительно шевелят клешнями, словно монахи возносят молитвы морскому богу. Рядом аквариум с рыбой. Карпы и сазаны, перебирая плавниками, сквозь зеленоватое стекло наблюдают за сухопутными чудовищами. Слышен стук ножей и вилок, на террасе играет оркестр.

Перед Мезенцевой на белоснежной скатерти бокал белого вина, соус, мисочка с лимонной водой для ополаскивания пальцев. Перед Шилле стакан виски со льдом.

— О! Manific! Великолепно... Я мечтала об этом два года, — Глафира с наслаждением разломил лобстера, наклонилась, чтобы высосать сок из клешни. — Мы здесь живем в нищете и убожестве, господин Крамп... В нищете и убожестве.

Шилле любитель маскировки — в этот раз надел парик, золотые очки с круглыми стеклами, приклеил пшеничные усы и, кажется, засунул за щеки вату, чтобы выглядеть полнее. Поэтому не ест, а только глотает виски.

— Много русских осталось в Хельсинки после войны?

Мезенцева до дна выпила бокал вина, сделала знак официанту «повторить».

— Хватает...

— Вы знаете всех?

Немец рассеянно оглядел помещение ресторана. Он задает вопросы как бы между прочим, но Глафиру не проведешь.

— Я не рыба, господин Крамп, не подводите свой сачок. Кто конкретно вас интересует?

Шилле сделал глоток виски.

— Не вспомню имени, Марта или Магда... Дочь русской певички и немецкого физика. Она жила в Берлине перед началом войны... У нас было что-то вроде интрижки. Я слышал, она переехала в Хельсинки.

— Может быть Мария? Ее девичья фамилия Шваб. Жена репортера из коммунистической газетенки. У нее швейное ателье на Эспланаде. Я у нее шила жакет... Ужасная обдираловка!

Шилле поморщился.

— Нет, ту звали Магда... Впрочем, забудьте. Нет смысла ворошить прошлое.

Кельнер в белой livрее сачком вылавливал из аквариума рыбу. Крупный сазан повернулся в воде, ударил хвостом, но тут же был ловко закручен в сетку.

Мезенцева сладостно обсасывала хвост лобстера.

— Прекрасно! Жаль, что меня не видят старухи из «Русского дома». Они бы лопнули от зависти... Что скажете о деле, Крамп?

Он ответил после паузы.

— Что ж, я посмотрел материалы. Пожалуй, ваши сведения представляют некоторый интерес.

— Некоторый интерес! — передразнила Мезенцева. — Да это настоящее сокровище! А скоро я заполучу всю документацию. Средства связи, радары, передающие устройства.

Глафира подметила, как алчно блеснули его глаза за стеклами очков.

— Повторяю: мне нужно знать, как к вам попали эти сведения. Кто ваш связной?

— Хотите, чтобы я сдала вам курицу? Ну нет. Сначала купите золотые яйца.

— Вы получите свой гонорар, если выведете нас на всю цепочку от агента до курьера.

Мезенцева задумчиво отодвинула тарелку с остатками панциря.

— Зря вы отказались, лобстеры божественны. Что ж, в общем мне все равно, как вы будете дальше разбираться с этой историей. Вы все узнаете... Только деньги вперед.

Шилле допил виски и щелкнул пальцами, подзывая кельнера.

— Счет!

— Но я собиралась взять десерт.

— Я не располагаю временем. Вы ставите передо мной нелегкую задачу, но так и быть. Вам соберут деньги — часть наличными, часть в ювелирных изделиях, как просили. Встретимся в субботу в пять часов, у входа в парк Эспланада.

Принесли счет, Шилле внимательно изучил бумагу и полез за портмоне. Мезенцева по-фински обратилась к парню в белой ливрее.

— Вызовите мне такси. Цветочная улица, дом девять. И включите сумму в счет. Официант вопросительно глянул на Шилле. Тот холодно кивнул.

* * *

В ателье тоже пили белое вино, загородив ширмой витрину, поставив бокалы и бутылку на раскроечный стол. Хильда и Мария сидели на диванчике, Саволайнен примостился на высоком табурете.

— Они все время говорили о войне, — недоумевала рыжеволосая Хильда. — Я понимаю, это было страшное время. Но почему русские не хотят поскорее все забыть?

— Если на твоих глазах убивают ребенка, старую женщину, брата... Ты будешь это помнить всегда. Русские потеряли миллионы жизней.

Хильда хмурила тонкие брови.

— Значит, это будет продолжаться вечно! Мы ненавидим и боимся их, поэтому готовим новое оружие... Они в ответ боятся нас, ненавидят. И самолет над нейтральными водами — для них угроза. Его уничтожают...

Саволайнен попытался подбодрить девушку.

— Я уверен, надежда есть. Дай мне время, на днях я что-то узнаю...

Хильда допила вино и поднялась, расправляя юбку.

— Матиас, Мария, я хочу вас поблагодарить за участие. Вы мне стали как родные, помогли пережить это трудное время. Знаете, я рада, что приехала в Хельсинки. Иначе, наверное, мы бы не встретились с Эриком. Не знаю, что бы я делала без него!

Мария крепко обняла Хильду.

— Эрик отличный парень, смотри — не упusti.

— Уж постараюсь, — впервые за весь вечер улыбнулась девушка. — Мне пора.

Саволайнен открыл дверь в кабинетик Марии, где стоял телефон.

— Хильда, мне нужно сделать звонок в редакцию. Подожди, мы тебя подвезем до отеля.

Девушка взяла свою сумку.

— Спасибо, Матиас, я хочу пройтись.

— Но на улице дождь!

— Ничего. Я люблю такую погоду.

Мария сняла с вешалки свой красный плащ с капюшоном.

— Возьми хотя бы плащ.

Хильда, поблагодарив, обняв на прощание финских друзей, накинула на голову капюшон и вышла из ателье.

Накрапывал дождь, шелестели мокрые кусты, улицы были безлюдны. Хильда шла по бульвару, думая о словах Марии. Да, боль, которую нам причиняют, отнимая близких, невозможно забыть. Война, как древний скандинавский уроборос — змей, кусающий себя за хвост. Как вырваться из этого убийственного круга? Простить врага? Но разве это не признание слабости? Эрик говорит, что мы должны восстановить доверие, которое когда-то было у России и Европы. Он пацифист и выступает за сокращение вооруженных сил и расходов на оборону, за прекращение военного сотрудничества с Америкой. Пока это только студенческие выступления, но ведь они и меняют политику. Так говорил отец.

Если Эрик решится делать политическую карьеру, Хильда поможет ему. Такие

люди нужны в парламенте — честные, добрые, скромные. Конечно, будет непросто пробиться, это дело нескольких лет...

Думая об этом, Хильда подошла к железнодорожному мосту, за которым начиналась улица, ведущая к университетскому кампусу. Выходя из ателье, она не заметила, как за ее спиной из-под навеса автобусной остановки шагнул коренастый мужчина в шляпе. Из-за шума дождя она не слышала его тяжелой поступи и, поднимаясь по скользким ступеням моста, не подумала обернуться, когда за ее плечом возникла тень незнакомца.

— Нет ли спичек?

— Простите...

Недоумение, попытка осознания, ужас, погружение в кошмар — Хильда пережила этот переход за две или три секунды, которые понадобились Кравцу, чтобы опрокинуть ее на перила, схватить за лодыжку и сбросить с моста.

Она летела, и ее мозг перестал анализировать реальность, воспринимая происходящее как внезапно случившийся сон. Хильда увидела рассвет над бескрайним пространством свинцово-серой воды, низко над водой летящий шведский самолет-разведчик «Дуглас». Сквозь радиопомехи звучал голос диспетчера. Это был чужой язык, но Хильда понимала каждое слово:

— Экипаж ДС-3, вы нарушили воздушную границу СССР... Экипаж ДС-3 — следуйте за бортом пограничной службы... Экипаж ДС-3, требуем подчиниться приказу.

Но шведский самолет не поворачивал, он уходил в сторону нейтральных вод. И тогда в небе показался советский истребитель, стремительно приближаясь, накрывая «Дуглас» своей тенью.

— Огонь!

Хильда упала на рельсы. Боль взорвала ее изнутри, но за мгновение до гибели она успела увидеть, как шведский самолет, охваченный пламенем, падает в воду.

* * *

— Башня Олимпийского стадиона имеет высоту семьдесят два метра семьдесят один сантиметр. Именно на такую длину метнул копье рекордсмен Матти Ярвинен на Олимпийских Играх 1932 года, — молодая женщина-экскурсовод подвела группу советских спортсменов к башне стадиона. Мужчины задрали головы, оценивая высоту, а девушки-спортсменки продолжали украдкой разглядывать костюм и туфельки экскурсоводши.

— Чаша стадиона достигает в длину двести сорок три метра и в ширину сто пятьдесят девять метров. Внутренний вид арены напоминает древние стадионы античности...

Нестеров встал поближе к Саксонову.

— Ну что, Коля? Айда? Лучше момента не будет...

Саксонов почесал бритый затылок, украдкой глянул на часы.

— Бовин узнает — убьет.

— Дрейфишь? А еще фронтовик!

За стенами стадиона слышался гул толпы болельщиков, голос комментатора оглашал результаты, — шли соревнования по легкой атлетике. Экскурсоводша с приятным северным акцентом продолжала рассказывать:

— Стадион построен по проекту двух архитекторов: Юрьё Линдегрена и Тойво Янтти. К нынешней Олимпиаде все спортивные объекты были обновлены и перестроены.

Нестеров потянул Саксонова за рукав.

— Пошли, пока они на башню лезут... Лучше случая не будет. Скажем, что потерялись.

— Ладно. Черт с тобой!

Когда группа подошла к башне, Нестеров и Саксонов незаметно отделились от экскурсии, замешались в толпу возле кассовых окошек и уже через минуту скрылись за углом здания.

Они прошли через парк, глаза по сторонам. Коля заранее нашел на карте адрес клуба коллекционеров — недалеко, в прогулочной части города. Нестеров проводил Саксонова и двинулся вниз по бульвару.

Портновский манекен, выставленный в витрине небольшого ателье, привлек его внимание. Молоденькая продавщица с чуть раскосыми глазами говорила по-русски. Она принесла ему целую стопку модных журналов с выкройками, и Нестеров купил четыре штуки, кое-как засунул во внутренний карман пиджака.

Он вышел на набережную чуть раньше назначенного времени, но Саволайнен уже ждал его, сидя на парапете, покуривая сигарету. Матиас поднял глаза на Алексея и сказал вместо приветствия:

— Вчера погибла журналистка Хильда Брук. Я не верю, что она покончила с собой. И не хочу думать, что это сделали ваши... из-за этого чертова самолета!

Нестеров не знал, что сказать, но Саволайнен и не ждал ответа. Он развернулся и пошел в сторону бульвара.

— Куда ты?

Матиас махнул рукой.

— Пойдем, выпьем пива.

Потом они сидели на заброшенном причале в портовой заводи. Нестеров разулся, опустил ноги в воду. Он с удовольствием потягивал прохладное пиво из стеклянной бутылки с длинным горлышком, слушал нервную, сбивчивую речь Матиаса.

— Почему не признаться, что ваши сбили самолет? Вот за это не любят политику Советов — вы скрываете, отрицаете очевидное... Поэтому вас все боятся!

— Пускай боятся. Лишь бы не лезли к нашим границам, — Нестеров неторопливо отпил из бутылки. — Ты хоть понимаешь, что сегодня даже одиночный самолет может причинить противнику серьезный вред? А если он прорвется с ядерной бомбой?..

— У вас тоже есть бомба! Никто в здравом уме не станет на вас нападать!

Вдалеке у небольшой отмели на воду сели три большие белые птицы. Неужели лебеди? Нестеров вдохнул всей грудью, чувствуя непривычный покой и отрешенность.

— Скажи мне, Матиас... На кого ты работаешь? На американцев?

Саволайнен, не в силах сдержать раздражения, вскочил, размахивая руками.

— Ты совсем дурак? Я коммунист! Я жизнь отдал этой партии!

Он прошелся по причалу, взъерошил волосы.

— Русские! Вы весь мир втянули в свою затею! Построить рай на земле! Но оказалось, что вместе с раем непременно надо строить ад для всех, кто не соответствует вашей картине будущего!

Нестеров усмехнулся.

— Ничего себе, разошелся! Что тебя так припекло?..

Саволайнен, немного успокоившись, снова сел рядом.

— Не будем спорить, Алексей. У меня к тебе серьезный разговор, — он полез в карман и достал вырезку из немецкой газеты. — Помнишь его? Готлиб Шилле, начальник тюрьмы Плетцензее...

Нестеров сощурился на солнце, разглядывая фотографию Шилле.

— Я все помню, Матиас. И тот лес, и тот день... И ту могилу, где осталась Мария.

Саволайнен торопливо перебил.

— Захоронение перенесли. В тюрьме хотят открыть музей... Я сделал запрос в архив, и мне написали, что в феврале 45-го года Шилле погиб на линии Курляндской обороны.

Саволайнен помолчал. Затем достал другую фотографию. У большого стеклянного окна стоял человек с залысинами на лбу, с небольшими усиками. Шилле постарел, усох, но это был тот самый нацистский офицер, который летом сорок первого года расстреливал французских коммунистов в лесу рядом с военным аэродромом. За его плечом виднелся профиль женщины с заостренным носом. Нестеров узнал Мезенцеву.

— А эту фотографию несколько дней назад случайно сделал наш репортер. На башне Олимпийского стадиона...

Нестеров быстро взглянул на Саволайнена, взял фотографию, пристально разглядывая.

— Значит, Шилле жив?

— Да. Пришлось провести целое расследование... Он въехал в страну как Сайрус Крамп, американский фабрикант. Цель — туризм и отдых.

Нестеров показал на Мезенцеву.

— Эта женщина — та, с крысами, на пресс-конференции.

Саволайнен кивнул.

— Мадам Мезенцева. Я ее немного знаю. Эмигрантская община устраивает акции у русского посольства, она всегда участвует...

Нестеров почесал переносицу.

— Знаешь, у нас в газетах пишут — США принимает нацистов, дает им работу в спецслужбах, на военных заводах... Я думал — так, преувеличение.

— Не «так»... В ФРГ год назад проходили слушания по делам двадцати пяти командиров айнзацкоманд. К реальным срокам приговорили только двоих... Остальные были отпущены на свободу.

— Ну... Зато пиво у вас хорошее, ничего не скажу.

Нестеров поднялся на ноги и начал надевать носки и ботинки.

— Мне пора идти. Дай мне эти фотографии. Поговорю с нашими... Подумаем, как быть.

— Я решил сделать репортаж о тайном расстреле французских коммунистов, — сказал Матиас. — Отправлю материал в Париж, в еврейские организации. Попробуем возобновить дело, подать в суд. Шилле не должен оставаться на свободе.

Вместе они двинулись по набережной в сторону парка.

— Вот ты говоришь, мы, русские, перенесли на землю рай и ад. А разве Шилле не заслуживает ада? Не когда-то там, в загробной жизни, предположительно, а прямо здесь, на земле? Чтоб как следует ад, чтобы наверняка? За Марию, за всех невинно убитых и замученных? За чудом выживших?

Все это время Саволайнен осознавал, что поступает бесчестно, и страшно тяготился своим положением. Он понимал, что должен рассказать Нестерову, как отыскал Марию в конце войны и помог выехать из Германии. Должен сообщить, что она жива. Но страх, который Матиас испытывал при мысли, что может потерять эту женщину, буквально парализовал его волю. Уже понимая, что Нестеров сейчас уйдет и другого шанса открыть правду не будет, Саволайнен решительно повернулся к нему.

— Алексей, я хотел тебе сказать...

Но Нестеров озабоченно взглянул на часы.

— Прости, Матиас, спешу! Автобус отходит в пять. Завтра придешь на стрелковые состязания? Мы выступаем в Мальми.

Пружинистой спортивной походкой Нестеров удалялся по набережной. Саволайнен смотрел ему вслед и думал: «Так лучше. Пусть они оба ничего не знают».

Три большие белые птицы поднялись над водой и полетели в сторону заповедника.

* * *

Снова лил дождь, начинались сумерки. Шилле в рыбацьем брезентовом плаще, в резиновых сапогах, сунув руки в карманы, шагал по берегу пруда. У Мезенцевой мгновенно промокли туфли, зонт сломался и обвис.

— Охота вам гулять в такую омерзительную погоду? Меня ждет такси. Деньги при вас?

— Кто ваш агент? Где назначена встреча? — снова спрашивал Шилле с дотошностью, наводящей скуку. — Я должен отчитаться в центр. Я отвечаю за расходование средств.

Порыв ветра пробирал до костей, Мезенцева поехала в своей легкой накидке — она выходила из дома, не имея намерения разгуливать под дождем.

— Шут с вами, я скажу. Завтра, в четыре часа, у нас назначена личная встреча на стадионе в Мальми. Никаких паролей и посредников. Я получу документы сама, в женском туалете...

— Курьер — женщина? — Шилле резко повернул голову. — Спортсменка?

Глафира почувствовала злость.

— Шилле, какого черта вы устраивает мне допрос? Где деньги?

Он пожал плечами.

— Глупо гулять по парку, набив карманы долларами, мадам Мезенцева. Деньги в машине. Там, у бокового входа.

— Так идемте!

Дождь усилился, но за деревьями показались огни ресторана, слышалась музыка. В зале танцевали — тени кружащихся пар виднелись сквозь стекла, залитые дождем.

— Дьявол, неужели наконец все закончится? — пробормотала Глафира. — Париж!.. Так хочется еще пожить! По утрам пить кофе на террасе с видом на Сену, завести себе любовника — араба или африканца... У вас есть любовник, Шилле? Ведь вы, кажется, не по женской части...

Мезенцева не успела договорить — ее ударили сзади по голове чем-то тяжелым. Парик смягчил удар, с ловкостью кошки она отскочила, и, увидев Кравеца с монтировкой в руке, мгновенно оценила опасность и бросилась бежать в сторону ресторана с криком:

— На помощь! Помогите!

Страх придал ей сил. Глафира стремилась под электрический свет, к ресторану, но завидев Шилле, который бросился ей наперерез, вынуждена была свернуть на боковую дорожку. Она попала в западню. Каблуки тут же увязли в глине, она поскользнулась на мокрых листьях, упала, и Кравец настиг ее, зажал рот и своими огромными ручищами умело свернул ей шею.

Пока тело содрогалось в агонии, из темноты появился Шилле. Он поддел носком ноги и поднял сумочку убитой, вытряхнул в карман своего плаща содержимое — деньги, документы, ключи.

Затем Шилле и Кравец привычно взяли труп за ноги и за руки и, раскачав, сбросили в озеро.

Все дело заняло не больше минуты. Силуэты мужчин и женщин все так же двигались в танце на веранде ресторана, звучал саксофон. Дождь усиливался.

Одежда Мезенцевой, пузырясь, набирала воду, и труп, образуя черную воронку, погружался на дно.

Глава 6. ДАМА ИЗ БАШНИ

— Вы не имеете права снимать спортсмена с соревнований! Он же все объяснил! Хватит уже везде искать шпионов... Богом прошу!

Пожилой тренер Шимко, покрывшись краской от усилия, то и дело проводил пальцем под тугим воротом рубашки, где скапливался пот. В небольшой комнатке без окон, выделенной советским тренерам, было жарко, душно, но Бовин не давал открыть двери — а вдруг до чужих ушей дойдет их важный, политической значимости разговор?

— Бога нет! А есть — нарушение дисциплины! Побег с мероприятия! Ладно Саксонов... филуменист! А ваш Нестеров где шатался два часа? С кем встречался? Что у него на уме?

Нестеров стоял у стеллажа с журналами, косился на корешки. Все на финском, и в основном про спорт.

— Да сказал же он: гулял, покупал жене выкройки. Оставьте вы парня в покое! — Степан Касьянович умоляюще сложил руки. — Миленькие, у вас свое начальство, у меня свое. С вас требуют шпионов, а с меня — медалей! Дайте выступить спортсмену, а потом забирайте куда хотите!..

— Что значит — куда хотите? Вы на что намекаете?

Шимко сообразил, что ляпнул лишнее и придется снова извиняться, но тут открылась дверь и в комнату зашел Серов.

— Что у вас происходит?

— Снимаем Нестерова с соревнований, — категорично заявил инструктор Бовин. — За самовольную отлучку и нарушение дисциплины.

Серов молча взял из рук Бовина бумаги, перелистал, нашел разрешение Нестерова на участие в соревнованиях. Достал из кармана перо и сделал росчерк.

— Товарищ Нестеров допущен к соревнованиям. Он отлучался в город по моей просьбе. — Серов обратился к Нестерову. — Почему вы не сообщили, Алексей Петрович?

Нестеров вздохнул.

— Да как-то не догадался...

Тренер всплеснул руками.

— Ну слава тебе, Господи!

Бовин напоследок сорвал на нем злость.

— Снова про бога?! У вас что там в команде, религиозная секта?

Шимко потянул Нестерова за рукав, открыл дверь.

— Пойдем, Алексей. А то еще каких-нибудь грехов навешают... Подготовиться спортсмену не дают!

— Степан Касьянович, я буквально на два слова с Алексеем, — попросил Серов. — И вы, товарищ Бовин, можете идти.

Оставшись вдвоем с комиссаром, Нестеров виновато поежился.

— Как-то глупо получилось... Думал, Бовин в курсе, а тут такая ерунда.

Серов прикрыл дверь. Поправил очки.

— Алексей Петрович, хочу сообщить, что в Москве арестован шпион, который похищал сведения о наших важных военных разработках. Благодаря вам удалось вскрыть эту цепочку. Я буду ходатайствовать о представлении вас к государственной награде.

Алексей глубоко вдохнул, чувствуя нехватку кислорода, — и правда, надо бы

проветрить помещение. Небось, шведам и финнам дали комнаты с окнами, а советских можно и в угол запихнуть.

— Значит, спичечный коробок?

Серов кивнул.

— Да. Шпион сознался, что пошел на преступление под влиянием любовницы. Вместе они планировали бежать из СССР.

— Значит, женщина, — Нестеров огорченно покачал головой. — Неужели это Маша Гороховская?

— Нет, — Серов выдержал многозначительную паузу. — Мы выяснили, что у нашей «дамы с крысами», Глафиры Платоновны Мезенцевой, в Петрограде оставалась младшая сестра, Евдокия. Она поменяла фамилию, поступила в медицинский техникум... Стала врачом.

— Евдокия Платоновна? Докторша?!

— Да.

Нестеров попытался уложить в голове услышанное.

— Значит, коробок... микрофильмы... Ну, хорошо. А как же Шилле? Вы докладывали о нем? Он ведь как-то связан с этим делом?

Серов помолчал.

— Пока мы ничего не сможем предпринять. Сайрус Крамп имеет дипломатический иммунитет. Нужно еще доказать, что он и Шилле — одно лицо. Или поймать его на передаче агентурных сведений... Но я обещаю, мы не оставим это дело. Отправим запрос в международные организации...

Нестеров пристально посмотрел на Серова.

— Понятно. Я могу идти?

Павел Андреевич со вздохом пожал плечами.

* * *

Примерно в то же время Мария Саволайнен в своем ателье обсуждала с продавщицей Айно новый заказ на ткани. Ее десятилетний сын с русским именем Алексей, или по-фински Алекси, сидел у стеклянной витрины и смотрел, как на бульваре дети играют с большой белой, по виду доброй собакой. Девочки обнимали, тискали пса, и он покорно давал садиться на себя верхом, но научить его скакать, как лошадь, у детей пока не получалось.

День снова выдался солнечным, и зелень была яркой после вчерашнего дождя. И когда тень заслонила свет, Алекси не испугался. Он смотрел на игрушку, которую держал в руках незнакомец — это был слон из лилового плюша, с бивнями из валяной шерсти и стеклянными глазами. Лицо человека, который держал слона, было скрыто в тени, но сама игрушка оказалась на солнце. Слон смущенно улыбался, в уголках его глаз виднелись морщинки, и выражение плюшевого лица было немного растерянным, но очень, очень милым.

Айно прикладывала пуговицы к тканям, а Мария записывала, какой запас необходимо сделать. В последнее время заказчицы стали выбирать большие пластиковые пуговицы, которые придавали нарядности костюмам и пальто. Скоро осень, пойдут заказы на верхнюю одежду, нужно заранее сменить ассортимент тканей и фурнитуры.

Делая пометки в книжечке, Мария вдруг осознала, что давно не слышит мурлыканье сына, который обычно, если играл один или смотрел на улицу, что-то напевал себе под нос. Женщина обернулась.

Маленький Алекси прильнул к окну, замороженно разглядывая игрушку, которую держал коренастый человек в сером плаще, с грубым, недобрый лицом. Мария сразу узнала — это был Кравец, надзиратель в тюрьме Плетцензее.

Сквозь стекло Кравец прямо смотрел на Марию из-под нависших бровей, и его

тяжелый остановившийся взгляд явно предупреждал ее о чем-то ужасном, что должно совершиться.

Звонкий стук — это рассыпались пуговицы из коробки. Голос Айно — Мария не различала, не понимала слов. Она бросилась к сыну, подхватила, унося от окна.

— Что случилось, роува Мария? *Mika pelotti sinua niin?* Что вас испугало?

Мешая финские и русские слова, пыталась добиться ответа продавщица.

Мария опомнилась, оглянулась. За стеклом уже никого не было, Кравец исчез.

* * *

Готлиб Шилле по материнской линии происходил из древнего рыцарского рода. В эпоху наполеоновских войн его предки лишились баронского титула из-за семейных интриг вокруг наследства. Но мать с ранних лет внушала мальчику мысль о его блестящих перспективах, и он привык считать себя аристократом — по праву крови, личной доблести, талантов и ума. Это и заставило кадрового офицера в тридцатом году примкнуть к национал-социалистам, несмотря на то презрение, которое он испытывал к уличному сброду и, в глубине души, к самому Гитлеру, фанатику и вырожденцу.

Решив, что в его личной войне хороши все средства, Шилле перешел на службу в СС, но не оборвал связей с военной элитой. Он разделял их надежды на то, что аристократия, сметенная с политической сцены в итоге Первой мировой, должна восстановить свои исконные права на управление Европой. Он лично знал и несчастного графа фон Штауффенберга, совершившего покушение на Гитлера в 1944 году; в глубине души восхищался его поступком.

Гитлер закономерно проиграл, но не выиграла и ставка Шилле. Германия, расчлененная и поверженная, одна приняла на себя весь позор капитуляции, а ее элиты пошли в услужение — одни к большевикам, другие — к американцам и англичанам, которые весьма успешно строили новый, англосаксонский Рейх.

Триумф торгашей, наступивший вслед за поражением великой немецкой идеи, был противен Шилле. Но Готлиб служил этому новому миропорядку из чувства высшей справедливости. В нем кипела ненависть к победившему плебсу, презрение волка к стаду баранов. Именно это общее чувство свело их с Глафирой Мезенцевой много лет назад.

Сейчас, изучая ее тесную, сумрачную квартирку, заставленную старомодной мебелью, завешенную второсортными картинами в облупленных рамах, Шилле впервые задался мыслью — не устарел ли так же и он сам с его рыцарским духом, верой в высшее предназначение, ненавистью к победителям, изрядно поизносившейся за послевоенные годы?

Нет, — он поспешно отверг эту мысль. Глафира, выжившая из ума старуха, окружила себя портретами родни, чьи кости давно сгнили на разоренных большевиками погостах. Она жила прошлым, он же, Готлиб Шилле, созидает будущее. Он готовит возрождение Германии. Когда-то, может, после его смерти, а может быть и на его веку, объединенная Европа должна сбросить с плеч красного плебея и подняться на небывалую высоту, чтобы по своим законам править миром, как это не раз бывало в истории.

Шилле стоял посреди комнаты в одном белье и в женских чулках, разглядывая поблекшие фотографии девиц в гимназических платьях, мужчин в мундирах русской царской гвардии, и мысленно отвергал этот пыльный умерший мир. Нет, не обветшалой мишурой приманит и обманет новых плебеев Европа. Она предложит им комфорт, стремительные автомобили, морские курорты, домашние машины, заменяющие прислугу. Европа создаст новый мир ярких, привлекательных, избыточных игрушек; мир видимой свободы для рабов и утонченного разврата для их господ. Мир грамотной, необходимой, действенной лжи для всех и блистательной правды для избранных — тех, кто управляет ложью.

Шилле включил радио и открыл платяной шкаф. Его идея была проста и великолепно в своей смелости. Он собирался стать Мезенцевой, чтобы пойти на встречу с информатором.

Любой мужчина может изобразить женщину, нужна лишь небольшая практика. Но не наоборот — лишь редкий тип женщин убедителен в мужской роли. Не нужно много косметики, иначе лицо становится клоунской маской. Увлажнить кожу, дать впитаться тональному крему, осторожно вбивая подушечками пальцев, заполняя грубые поры. Черный карандаш придает чертам грубость, лучше использовать серый или коричневый. Легкими движениями, будто рисуешь картину, выделить брови, подвести глаза. Нанести тени кисточкой, растушевать. Тонкие губы обвести карандашом в цвет неяркой, телесного цвета помады.

Шилле застегнул пуговицы блузки. На нем прекрасно сидел новый темно-лиловый костюм — тот самый, который Мезенцева заказала в швейном ателье на бульваре Эспланада. Пиджак чуть тесноват в плечах и пояс юбки врежется в бока, но этот легкий дискомфорт даже нравился Шилле. Он полюбовался на свои выбритые ноги, изящные и сухощавые в тонких чулках. Туфли нужного размера он захватил с собой.

Переодетых мужчин выдает походка, они вихляют бедрами и шатаются на каблуках, как портовые потаскухи. Но Шилле долго упражнялся и достиг естественности, копируя движения матери, которые с детства пленяли его грациозной плавностью.

Парик он тоже подобрал заранее — оттенок благородной серебристой седины.

Воскрешенная Мезенцева подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Да, при жизни она не держалась с таким достоинством. Осталось припудрить лицо — легким прикосновением меховой пуховки.

Шилле отдернул занавеску, в комнату хлынул солнечный свет. Он постоял, глядя на улицу, и, дождавшись, пока Кравец, куривший сигарету возле автомобиля, поднимет вверх глаза, махнул рукой — как дама из башни замка подает знак призрачной надежды безнадежно влюбленному в нее простолодуну.

* * *

Круглое здание старого аэропорта в Мальми стало местом проведения соревнований сразу по нескольким видам. На взлетной полосе еще садились и взлетали самолеты, но прилегающая территория была отдана спортсменам и болельщикам. На стоянке перед входом — машины, автобусы, велосипеды. Вокруг толпился народ, слышны были звуки музыки. На фасаде здания — большие круглые часы показывали половину четвертого.

Мария подъехала к зданию аэропорта на своем темно-зеленом Saabe-92. В редакции ей сообщили, что Матиас в Мальми на стрелковых состязаниях, и она решила найти мужа, чтобы рассказать о случившемся.

Стрельбы уже начались, из-за ограждения был слышен голос комментатора, выкрики тренеров и зрителей. Мария вышла из машины, взяла за руку сына. Торопливо двинулась через площадь к входу на трибуны. Алекси потянул мать в сторону лотка, где продавали сладости.

— Мама, я хочу мороженого.

Мария оглянулась по сторонам.

— Хорошо, сынок! Сейчас мы найдем папу, и он купит тебе мороженое... Немного потерпи.

Стрелковые соревнования проходили на огороженной площадке за зданием аэропорта. На открытом воздухе были установлены мишени, расчерчены стрелковые позиции. Вокруг площадки — зрительские трибуны, почти заполненные. Мария увидела зону для журналистов и стала пробираться туда, где были расставлены камеры, и репортеры смотрели в бинокли, что-то записывали, болтали между собой.

Диктор объявил новый этап соревнований. По именам вызывали спортсменов.

Мария подошла к входу на трибуны, возле которого стоял полицейский. Она увидела Матиаса — тот проходил вдоль стрелкового поля с фотокамерой, делая снимки.

— Там мой муж. Мне нужно с ним срочно поговорить.

Позвали Саволайнена, он обернулся. Встревоженный, начал пробираться к выходу. Показал охране свою аккредитацию, и Марию пропустили за ограждение.

— Что случилось?

— Они нашли меня.

— Кто?

— Кравец, надзиратель в Плетцензее... Он приходил в ателье.

Саволайнен провел Марию в журналистскую зону и усадил на скамейку. Алекси сразу встал у перил, с интересом наблюдая за стрельбой.

— Он угрожал вам?

— Он подошел к окну и показал Алекси игрушку... Это было очень страшно! Теперь я уверена, это они убили Хильду, а хотели убить меня. Она взяла мой плащ...

Алекси подбежал.

— Папа, можно мне бинокль?

— Конечно, милый, — Матиас снял с груди бинокль и передал сыну. Взял за руку Марию. — Успокойся. Здесь ты в безопасности... Я переговорю с охраной. Потом поедем в полицию.

Саволайнен направился к охране стадиона, Мария осталась сидеть на трибуне. Она подозвала Алекси и усадила к себе на колени.

— Никуда не убегай, понял? Есть люди, которые хотят нам зла, мы в опасности.

Мальчик кивнул.

— Мама, а почему дяди стреляют?

— Это соревнования, милый... Они соревнуются, кто лучше попадет по мишени.

— А зачем?

Диктор объявлял выход новой группы спортсменов.

— Ерхо Саар... Збигнев Сметан! Ханс Нордстрем... Алексей Нестеров!

Мария вздрогнула. Не такая уж редкая фамилия, наверняка в СССР тысячи, десятки тысяч Алексеев Нестеровых, и вот один из них сейчас выходит на поле. Но, подчиняясь любопытству, Мария взяла у сына бинокль. Как он выглядит, этот Алексей Нестеров — старый или молодой?

Журналисты подтаскивали штативы ближе к мишеням. На поле выходили спортсмены — разминали руки, делали приседания. Тренер в бело-синей форме что-то помечал в своих листках. Мария слышала русскую речь.

— Дечин, Нестеров, приготовиться!

Мария никак не могла поймать поле в бинокль, все расплывалось перед глазами. Наконец она сообразила покрутить колесико настройки, увидела ряд мишеней, спины, затылки стреляющих. Старый, молодой? Вот этот, с рыжими бакенбардами? Или тот, в зеленой куртке? Наушники на спортсменах делали их всех похожими.

Команда. Спортсмены подняли руки с пистолетами, прицеливаясь. Команда. Раздались выстрелы.

Мария прошептала.

— Не может быть... Нет, этого не может быть.

Она опустила бинокль. Второй слева, плечистый, с темным стриженным затылком, повернулся, и ей показалось... Нет, лучше не смотреть. Снова зазвучали выстрелы.

— Мама, когда мы пойдём есть мороженое? — напомнил Алекси.

Мария взяла его за руку и поднялась с места, оставив на трибуне бинокль.

* * *

Арбитры снова подбежали к мишеням. Нестеров и Дечин ушли с позиции, сняли наушники. Киреев записывал результаты. Шимко хлопал спортсменов по плечам.

— Дечин — молодец! Обстрелял норвежца! Нестеров, идем на бронзу!

— В раздевалку! — отправил всех Киреев.

Но Алексей уже заприметил за ограждением Саволайнена и протиснулся к выходу. Нужно найти Матиаса и сообщить ему новости насчет Шилле. И адресами, что ли, обменяться, а то снова потеряют друг друга на десять лет.

Зрители уходили с трибун на перерыв, который объявили до выступления винтовочников. Награждение позже. Бронза в командном зачете — ну что ж, хорошо!

Народ толпился на небольшой площади перед зданием аэропорта, покупали сладости и лимонад. Ребячтя кружилась на каруселях, у входа в детский городок возвышался огромный гусенок и, чуть поменьше, мышь в красных трусах, с круглыми ушами. «Вот бы Кима с Анютой сюда», — подумал Нестеров, осознавая вдруг, что успел соскучиться по жене и сыну. Сын... Он вернется, сядет и поговорит с Кимом. Скажет, что он — его настоящий отец, что знал его мать до войны. Есть неправда, которая рано или поздно становится правдой, и это будет самая правильная правда из всех.

Саволайнен стоял у лотка с мороженым, в небольшой толпе зрителей.

— Матиас! — окликнул Нестеров, но тот не услышал.

В небе развевались разноцветные флаги, звучал финский спортивный марш.

Кравец наконец припарковался, заняв освободившееся место рядом с зеленым Саабом, вышел из машины, открыл дверь и галантно подал руку даме в темно-лиловом костюме.

Дама огляделась и неторопливой плавной походкой направилась в сторону детского городка.

Большие часы на здании аэропорта показывали без пяти минут четыре.

Врач Гусева, бледная, внезапно постаревшая, с глубоко очерченными складками носогубных морщин, медленно поднималась по ступенькам к уборной. Пережитый ужас разоблачения, выматывающий многочасовой допрос, подробный инструктаж перед операцией — она спала этой ночью не больше двух часов и двигалась механически, словно в тумане.

1. Подняться по ступенькам, подождать.

2. Встретить Глафиру, взять драгоценности (сестра обещала, что принесет кольца, серьги с крупными бриллиантами, которые легко спрятать в вещах).

3. Передать коробок с микропленкой.

Евдокия понимала, что документы успели подменить и, значит, она вовлекает сестру в опасную игру спецслужб. Но в эту минуту ее меньше всего интересовала судьба Глафиры. Гусева слишком хорошо понимала, что ждет ее по возвращении в СССР. Она оглянулась на сотрудницу, которая на небольшом удалении сопровождала ее к уборным. В голове стучало одно только слово: «Побег, побег»...

Румяная молодая лоточница быстрым круговым движением скрутила шарик шоколадного пломбира и отправила в конус вафельного стаканчика. Алекси взял мороженое, вежливо поблагодарил. Саволайнен протянул продавщице купюру.

— Матиас! — раздался голос Нестерова.

Молодая женщина в синем платье, стоявшая в очереди за мороженым, обернулась, и Нестеров подумал, что впервые видит человека, который был бы так похож на другого, давно умершего. Но вдруг ее глаза расширились, на лице отразился ужас узнавания.

Нестеров застыл на месте.

Саволайнен продолжал искать по карманам сдачу, продавщица наполнила мороженым еще один стаканчик. Матиас машинально взял его.

— Здравствуй, — сказала Мария по-русски.

— Здравствуй, — эхом ответил Алексей.

Они стояли, глядя друг на друга, не находя слов. Наконец Нестеров перевел глаза на мальчика. Почти ровесник Кима, но выражение лица такое детское, беспечное.

— Это твой сын?

— Да, — Мария взяла под руку Саволайнена. — А это мой муж...

Нестеров посмотрел на Саволайнена. Спросил без злости, по-дружески:

— Почему ты мне не сказал? Ведь это ничего не изменит...

Матиас молчал.

Алекси разглядывал Микки-Мауса, раздумывая, стоит ли просить родителей покатать его на карусели или он уже слишком взрослый для этого. Потом он увидел девочку с красным воздушным шариком, которая шла вместе с родителями в сторону автомобильной стоянки. Алекси загляделся на шарик, сам не замечая, что идет вслед за девочкой, облизывая мороженое, ни о чем не думая, просто озираясь по сторонам.

Со стороны уборной послышался истошный крик. Мужчина в юбке и в женских туфлях, петляя, бежал сквозь толпу. Парик упал с его коротко стриженной головы, он смешно перебирал тонкими ногами.

«Это клоун, — подумал Алекси. — Смешной клоун из детского городка».

Люди почему-то отскакивали от него, а сзади бежали какие-то мужчины.

«Это представление, как в цирке. Сейчас они придумают что-то смешное, и все удивятся и будут хлопать в ладоши».

Другой клоун в костюме полицейского тоже бежал, на бегу вынимая пистолет.

— Стой! Буду стрелять!..

Алекси не боялся, поэтому не отскочил и не испугался, когда клоун на бегу схватил его за плечи, поднял вверх и прижал к себе.

— Не стреляйте ради бога! — кричала мама, Алекси узнал ее голос.

— Пусти, — попросил он противного клоуна, но тот не слышал. Он пятился к машине, прижимая мальчика к своей груди.

Мама и какой-то незнакомый мужчина бежали и что-то кричали. В машине сидел еще один клоун с толстым красным носом. Алекси уже не нравилась эта игра, но он не знал, как ее остановить.

Совершенно потерянный Саволайнен, не понимая, что произошло, продолжал стоять возле лотка. Мороженое в его руке таяло и капало на землю.

* * *

Зеленый сааб Марии летел по дороге. Увидев, как Шилле схватил ее сына, не помня себя она бросилась к машине. Нестеров оказался рядом.

Сааб то и дело заносило, сигналили встречные.

— Давай я сяду за руль?

— Нет, я сама... Там, возьми, пистолет...

Он открыл бардачок, взял привычный руке макаров. Черный опель показался впереди за поворотом, он быстро уходил по трассе.

— Алекси! — вскрикнула Мария, увидев голову мальчика на заднем сиденье опеля.

Нестеров открыл окно.

— Уйдут. Надо стрелять.

— Только не убей его, — взмолилась Мария.

— Я снайпер. Я буду стрелять по колесам.

Мария нажала на газ. Опель съехал с трассы, повернул в сторону леса.

Нестеров вытянул руку с пистолетом в окно и выстрелил.

Мария увидела, как опель занесло, крутануло на дороге, машина мордой въехала

в дерево. Задняя дверь распахнулась и Шилле в женской одежде схватил Алекси и потащил в заросли.

Мария подъехала, остановила сааб. Нестеров выскочил из машины и бросился наперерез убегающему нацисту.

— Отпусти ребенка!

— Попробуй забрать!..

Нестеров, пробегая мимо опеля, увидел раненого Кравеца, который разбил лбом стекло и теперь пытался вытереть залитые кровью глаза. Нестеров выстрелил без раздумий. Прозвучал еще один выстрел, боль обожгла плечо.

— У него оружие! — закричала Мария.

Шилле, ковыляя, приближался к зарослям ольхи, за которыми тянулась лесополоса. Левой рукой прижимая к себе мальчика, в правой он держал люгер.

— Отпусти ребенка, гнида! — снова потребовал Нестеров.

— Забери!

Шилле, прикрываясь ребенком, снова сделал выстрел. Нестеров вскинул пистолет.

— Не-ет! — вскрикнула Мария.

Пуля коммуниста Нестерова вошла ровно в середину лба Голиба Шилле, несостоявшегося барона, разоблаченного агента и несмешного клоуна. Алекси вырвался из его ослабевших рук и бросился к матери с криком:

— Мама!..

Нестеров стоял на опушке леса и смотрел на женщину, которую он по-прежнему любил больше жизни, на мальчика, который мог быть его сыном, и мысленно прощался с ними навсегда.

Все ближе звучала сирена. Подъехали полицейские машины, первым выскочил Саволайнен.

«Я же ранен», — вспомнил Нестеров, увидев, как кровь течет по руке. Кружилась голова, он уронил пистолет и упал на мягкую землю.

Мария склонилась над ним, и пока полицейские не подбежали, Нестеров успел прошептать:

— Нам ничего не изменить.

ЭПИЛОГ

Первое послевоенное выступление советской команды на Олимпиаде кардинально изменило соотношение сил в мировом спорте, наши чемпионы установили несколько мировых рекордов. Сборная СССР завоевала 22 золотые, 30 серебряных и 19 бронзовых медалей, уступив в медальном зачете только США.

Олимпиада в Хельсинки вошла в историю как Игры, которые формально не были завершены. Президент МОК Зигфрид Эдстрем во время своей заключительной речи забыл произнести формулу, предусмотренную Олимпийской хартией: «Объявляю Игры XV Олимпиады закрытыми».

Шведский самолет «Huginn», сбитый советским истребителем, был найден в нейтральных водах неподалеку от острова Готланд и поднят только в двухтысячных годах. В самолете были обнаружены останки четырех членов экипажа. Судьба четырех других до сих пор остается неизвестной.